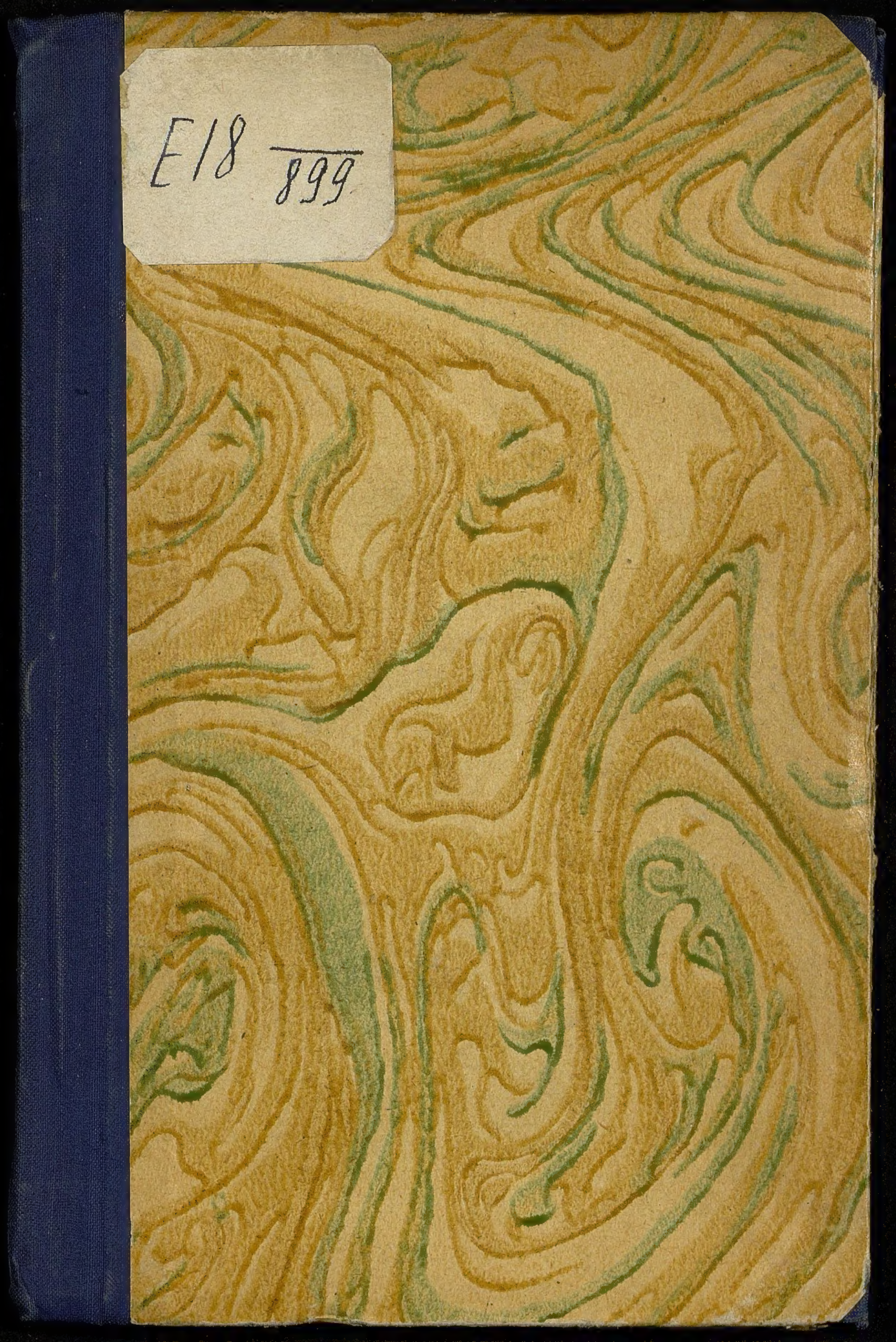
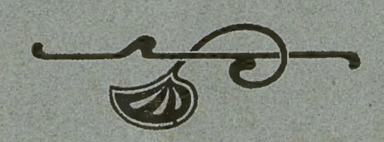
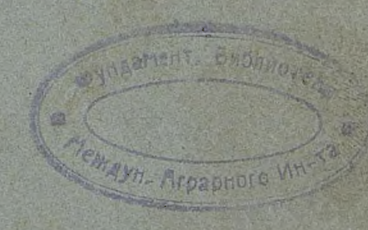

ОТРЫВОЧНЫЯ МЫСЛИ

ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

В. Гурко.

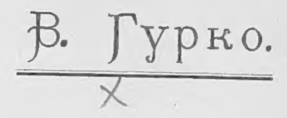

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1906.

ОТРЫВОЧНЫЯ
МЫСЛИ

ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

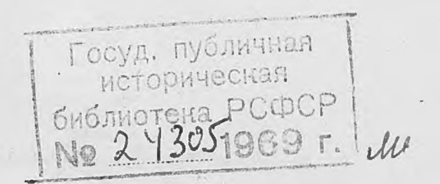

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Марта 1906 г.

„Земледѣльческій народъ, состоящій изъ мелкихъ хлѣбопашцевъ, не въ состояніи ни доставлять большого количества продуктовъ для торговли, ни предъявлять значительнаго спроса на фабрично-заводскія произведенія: каждый здѣсь ограниченъ какъ въ своей собственной производительности, такъ и въ своемъ потребленіи“.

„Національная слабость матеріальная, умственная и политическая является необходимымъ слѣдствіемъ этого. Такіе результаты особенно опасны въ томъ случаѣ, когда сосѣднія народы слѣдуютъ другому пути, когда они идутъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ, тогда какъ мы идемъ назадъ; если тамъ надежды на лучшее будущее возбуждаютъ въ гражданахъ бодрость, силы и духъ предпріимчивости, то здѣсь, напротивъ, умъ и бодрость, при взглядѣ на ничего не обѣщающее будущее, все болѣе и болѣе замираютъ“

Фридрихъ Листъ.

Въ настоящее время, когда говоришь „аграрный вопросъ“, эхо отвѣчаетъ—„крестьянскіе безпорядки“. Въ умѣ говорящихъ на эту тему невольно возстаютъ картины сожженныхъ усадьбъ, вырубленныхъ лѣсовъ, разграбленнаго имущества, замученнаго скота. Картины эти настолько тяжелы, что у каждаго русскаго человѣка, независимо отъ личной его заинтересованности въ этомъ дѣлѣ, возгорается желаніе немедленно, цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, прекратить эту гибель русской сельской культуры. Гибель эта ужасная, ибо гибель двойная. Гибнутъ матеріальныя пріобрѣтенія культуры, гибнутъ, едва ли не въ большей степени, ея духовныя пріобрѣтенія. Гибнетъ та малая доля культурности, которою обладаютъ наши сельскія народныя массы. Народъ дичаетъ, народъ звѣрѣетъ! Какихъ жертвъ при такихъ условіяхъ не принесешь, если онѣ только способны

остановить разрушеніе сельской, да и одной ли сельской, Руси?

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и исходя изъ того соображенія, что главная причина сельскихъ безпорядковъ—малоземеліе крестьянъ, ихъ острая нужда въ землѣ, а равно таящееся въ глубинѣ души многихъ крестьянъ убѣжденіе, что всѣ земли должны перейти въ ихъ владѣніе, возникло предположеніе о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ за счетъ земель казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ.

Мысль о дополнительномъ надѣленіи, конечно, не новая, но лишь въ послѣднее время получила она вполнѣ опредѣленное выраженіе, стала лозунгомъ отдѣльныхъ и при томъ весьма различныхъ по ихъ основнымъ теченіямъ политическихъ партій. Не касаясь значенія этой мѣры по существу, ея вліянія на благосостояніе крестьянскихъ массъ и богатство страны вообще, остановлюсь на ней пока лишь какъ на средствѣ успокоенія крестьянства и прекращенія гибели сельской культуры. Въ семъ отношеніи надо прежде всего указать, что та волна вандализма, которая еще столь недавно свободно гуляла, можно сказать, по всей Руси, отнюдь не была направлена исключительно на достояніе землевладѣльцевъ. На ряду съ усадьбами болѣе или менѣе крупныхъ имѣній страдаютъ и мелкіе хутора, страдаютъ недвижимыя имущества духовенства, страдаютъ, наконецъ, имущества лицъ, вовсе не связанныхъ съ данной мѣстностью, какъ, напр., встрѣчающіеся на пути озвѣрѣлой толпы гурты рогатаго скота, принадлежащіе прасоламъ. Такіе случаи имѣли мѣсто въ Пензенской губерніи. Далѣе, страдаютъ промышленныя заведенія, владѣльцы коихъ вовсе не обладаютъ собственно-земельными владѣніями. Такъ, напр., въ Рязанской губерніи сожжена и разграблена крупная паровая мельница. Словомъ, толпа уничтожаетъ всякое, попадающееся подъ руку, имущество совершенно независимо отъ того, кому оно принадлежитъ.

Съ другой стороны въ грабежахъ участвуютъ крестьяне, не только вполнѣ обезпеченные надѣльной землей, но имѣющіе и свои купчія земли. Такъ изъ 3710 домохозяевъ, входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, участвовавшихъ въ грабежахъ по Дмитровскому уѣзду Курской губерніи — 983 владѣютъ купленной землей

всего въ количествѣ 4774 дес. Главный центръ безпорядковъ въ этомъ уѣздѣ—село Гламаздино отличается сравнительной зажиточностью: въ среднемъ на мужскую наличную душу надѣльной земли приходится 3 дес. 1000 саж. Наконецъ, среди грабителей попадаются и такіе крестьяне, которые владѣютъ 40, 50 и даже 70 десятинами собственной внѣнадѣльной земли.

Данныя эти, казалось бы, указываютъ, что сельскіе безпорядки нельзя неразрывно связывать съ земельной тѣснотой, что они являются непосредственнымъ результатомъ революціонной пропаганды и могутъ быть остановлены исключительно примѣрнымъ наказаніемъ виновныхъ. Если же полагать, что причина безпорядковъ—неудержимое стремленіе крестьянъ увеличить площадь ихъ землепользованія, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что стремленіе это присуще рѣшительно всему крестьянству, независимо отъ степени обезпеченія землей отдѣльныхъ его членовъ. Но въ такомъ случаѣ несомнѣнно, что никакое частичное дополнительное надѣленіе не можетъ успокоить крестьянъ. Наоборотъ, всякая уступка въ этомъ направленіи, всякая провозглашенная по сему поводу общая мѣра лишь разожгетъ народные аппетиты, лишь придастъ крестьянству увѣренность, что при помощи дальнѣйшихъ погромовъ вся земля отойдетъ въ его руки.

Но быть можетъ не слѣдуетъ и передъ этимъ останавливаться? Быть можетъ надо прибѣгнуть и къ этой мѣрѣ, дабы спасти дворянскія гнѣзда отъ разоренія, дабы предотвратить напрасную гибель имуществъ? Но тутъ возникаетъ вопросъ, да что же собственно спасать? Мертвый и живой инвентарь? Но вѣдь онъ не только будетъ безполезенъ для лишенныхъ земли владѣльцевъ, но въ значительной своей части и совершенно обезцѣненъ. Что дѣлать съ сложными сельскохозяйственными орудіями, совершенно не примѣнимыми къ обработкѣ малыхъ участковъ земли? Живой инвентарь? Но вѣдь и съ нимъ будетъ дѣлать нечего. Крестьянство, отуманенное дополнительнымъ надѣленіемъ, едва ли выразитъ желаніе платить за него деньги. Или, можетъ быть, даромъ его раздать? Далѣе, не спасать ли хозяйственныя постройки? Но вѣдь и они утратятъ всякое значеніе. Разсчитанныя на обслуживаніе болѣе или менѣе значи-

тельной земельной площади, онѣ окажутся безполезными для мелкаго крестьянскаго хозяйства. Наконецъ, фабрики, заводы? Однако, и они будутъ обезцѣнены. Безъ обширныхъ свекловичныхъ и картофельныхъ плантацій, ни свеклосахарные, ни винокуренные, ни крахмальные заводы существовать не могутъ. Сохранятъ свою работоспособность развѣ лишь мельницы. Наконецъ, самыя усадьбы, съ имѣющимся въ нихъ недвижимымъ имуществомъ? Не могу себѣ представить, чтобы такія усадьбы, при условіи отхода отъ ихъ владѣльцевъ всей окружающей усадьбы земли, были бы впредь ихъ собственниками, да и вообще кѣмъ-либо, обитаемы.

Нѣтъ, провозглашеніе нынѣ дополнительнаго надѣленія землею, въ видахъ успокоенія крестьянской массы, ради спасенія гибнущей сельской культуры, средство болѣе, чѣмъ неподходящее. Именно такая мѣра привела бы къ полному упраздненію культурныхъ центровъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Нельзя ради спасенія руки снимать съ человѣка голову. Нельзя ради сохраненія служебныхъ органовъ сельскаго помѣстнаго хозяйства—владѣльческихъ усадебъ со всѣмъ находящимся въ нихъ имуществомъ—жертвовать головой этого хозяйства, желудкомъ этого организма—землей.

Еще въ меньшей степени можетъ такая мѣра остановить гибель духовной культуры сельскихъ массъ. Неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ, какъ я уже указалъ, будетъ усиленіе народныхъ аппетитовъ, а послѣдствіемъ этого всеобщее взаимное ограбленіе крестьянъ и междоусобица. Надо имѣть въ виду, что земли для удовлетворенія всѣхъ въ полной мѣрѣ нигдѣ не хватитъ, а во многихъ мѣстностяхъ не хватитъ даже для сколько-нибудь значительнаго увеличенія площади землепользованія крестьянъ. Изъ за обладанія даннымъ, нынѣ находящимся въ частномъ владѣніи, пространствомъ земли село пойдетъ на село, деревня на деревню. Случаи ожесточенныхъ схватокъ между крестьянами изъ-за будущаго обладанія помѣщичьей землей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже имѣли мѣсто.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я прежде всего настаиваю на томъ, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса, а въ особенности принятіе столь радикальной мѣры, какъ дополнительное надѣленіе крестьянъ, не можетъ быть

поставлено въ связь съ крестьянскими безпорядками, а тѣмъ болѣе предпринято ради ихъ прекращенія. Надо имѣть въ виду, что то или иное разрѣшеніе этого вопроса повліяетъ на всю будущую судьбу страны, предопредѣлитъ весь ея будущій экономическій строй и даже культурное развитіе. Если бы даже мы были увѣрены, что цѣною этой жертвы въ состояніи охранить наши временные преходящіе интересы, то и въ такомъ случаѣ не имѣли бы права ее принести, коль скоро ея послѣдствія пагубны для будущаго нашей страны. Мы не можемъ расплачиваться монетою, не намъ принадлежащею, не можемъ охранять себя за счетъ будущихъ поколѣній и въ ущербъ имъ. Какъ кѣмъ-то уже было прекрасно сказано, не слѣдуетъ забывать, что кромѣ нашихъ усадьбъ, нашихъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, у насъ есть и родина. Ее то мы должны прежде всего оберегать.

Аграрный вопросъ слѣдуетъ въ виду этого разсматривать внѣ непосредственной связи съ текущими событіями. Сохраненіе такой связи не допуститъ сколько-нибудь спокойнаго, объективнаго къ нему отношенія. Смотрѣть на него черезъ зарево и дымъ сельскихъ пожарищъ нельзя. Зарево это не освѣщаетъ вопроса, а лишь придаетъ ему фантастическія очертанія, дымъ же естественно его застилаетъ и лишаетъ сколько-нибудь опредѣленныхъ формъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при разрѣшеніи аграрнаго, какъ и всякаго иного крупнаго экономическаго вопроса, нужно прежде всего преслѣдовать обезпеченіе и развитіе благосостоянія массы населенія. Страна наша земледѣльческая. Если даже ограничиться 50 губерніями Европейской Россіи, гдѣ сосредоточено наибольшое количество городского населенія, то окажется, что и въ этомъ раіонѣ 70 проц. жителей занимается земледѣльческимъ трудомъ. Естественно, что къ развитію благосостоянія

именно этой части населенія надо въ особенности стремиться и, слѣдовательно, въ эту сторону и должны быть прежде всего направлены всѣ мѣропріятія въ области аграрной политики. Ранѣе, однако, нежели намѣчать какія-либо мѣропріятія въ этой области, необходимо выяснить современное экономическое состояніе сельской крестьянской массы и причины, обусловливающія ея благосостояніе или оскудѣніе.

Наблюдается ли въ дѣйствительности крестьянское оскудѣніе и, если наблюдается, то повсемѣстно ли, вотъ въ чемъ вопросъ. На первую его часть иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, быть не можетъ. Это свидѣтельствуетъ прежде всего количество пищи, потребляемой русскимъ крестьяниномъ. Въ среднемъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, количество это не превышаетъ 16 пудовъ растительной пищи въ годъ. Достаточно указать, что нѣмецкій крестьянинъ ежегодно потребляетъ, при почти равномъ количествѣ хлѣба, сверхъ того около 20 пудовъ мяса и молочныхъ продуктовъ. Все увеличивающіяся недоимки въ выкупныхъ платежахъ, все возрастающая продовольственная помощь государства, нынѣ ежегодно исчисляемая десятками милліоновъ рублей, наконецъ увеличеніе числа неспособныхъ къ военной службѣ, такого рода данныя, которыя неопровержимо свидѣтельствуютъ о пониженіи крестьянскаго благосостоянія. Едва ли не наиболѣе грознымъ показателемъ обнищанія населенія и притомъ безусловно достовѣрнымъ—является увеличеніе процента призывныхъ, признаваемыхъ негодными къ военной службѣ. Процентъ этотъ, при введеніи всеобщей воинской повинности лишь немногимъ превышавшій 6, къ концу перваго десятилѣтія даже нѣсколько понизился. За симъ съ 1883 по 1892 г. онъ стойко держался около цифры 7, но съ тѣхъ поръ началъ быстро повышаться и уже въ 1901 г. составлялъ 13. Между тѣмъ, именно за этотъ же послѣдній періодъ, требованія, предъявляемыя къ новобранцамъ въ отношеніи роста и объема груди, были понижены. Тутъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ, развивающимся на почвѣ недоѣданія.

Однако, если присмотрѣться къ отдѣльнымъ районамъ Европейской Россіи, то мы убѣдимся, что оскудѣніе проявляется въ нихъ далеко не одинаково, при-

чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдается даже повышенiе крестьянскаго благосостоянiя.

Наиболѣе полныя данныя по сему предмету даютъ матерiалы, такъ называемой, комиссiи по оскудѣнiю центра. Изъ приложенныхъ къ этимъ матерiаламъ картъ Европейской Россiи съ графическимъ изображенiемъ степени движенiя благосостоянiя крестьянскаго хозяйства съ 1861 года по 1901 годъ выясняется, что Россiя въ указанномъ отношенiи дѣлится на два главные района, а именно на Россiю, по преимуществу, земледѣльческую, въ составъ которой входятъ 26 южныхъ, центральныхъ и восточныхъ губернiй, и Россiю, по преимуществу, промышленную, гдѣ население черпаетъ средства существованiя не столько изъ земледѣлiя, сколько изъ разнообразныхъ промысловыхъ заработковъ. И вотъ въ то время, какъ степень благосостоянiя крестьянъ въ этой послѣдней части Россiи за послѣднiе 40 лѣтъ либо не подверглась измѣненiю, либо повысилась, въ первой ея части, т. е. земледѣльческой, благосостоянiе это почти повсемѣстно понизилось. Такимъ образомъ ясно, что въ настоящее время земледѣлiе не служитъ наиболѣе надежнымъ источникомъ крестьянскаго благосостоянiя, что, наоборотъ, промысловые заработки въ большей степени, нежели земледѣлiе, обезпечиваютъ крестьянство отъ нужды и даютъ ему возможность матерiально развиваться. Если же сопоставить степень благосостоянiя крестьянства въ земледѣльческой полосѣ Россiи по отдѣльнымъ ея губернiямъ съ среднимъ въ нихъ размѣромъ крестьянскаго надѣла, то выяснится, кромѣ того, что благосостоянiе это отъ величины душевыхъ надѣловъ почти вовсе не зависитъ. Дѣйствительно, наибольшихъ размѣровъ достигаютъ крестьянскiе надѣлы въ восточныхъ губернiяхъ—Самарской, Уфимской и Оренбургской, гдѣ въ среднемъ они равняются 4,8 дес. на наличную душу мужского пола. Но такъ какъ одновременно именно въ этомъ же районѣ промысловый заработокъ крестьянъ наименьшiй во всей Европейской Россiи, то въ немъ же наблюдается и наибольшее оскудѣнiе. Послѣднее выражается какъ въ наибольшемъ размѣрѣ накопившихся за населенiемъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ, такъ и въ наименьшемъ

количествѣ сбереженій, вложенныхъ земледѣльческимъ населеніемъ въ ссудо-сберегательныя кассы.

Еще болѣе убѣдительныя данныя въ этомъ отношеніи представляютъ отдѣльныя мѣстности, находящіяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ и отличающіяся другъ отъ друга лишь степенью развитія въ нихъ промысловыхъ заработковъ. Такъ, напр., населеніе Брянскаго, Трубчевскаго, Ливенскаго и Елецкаго уѣздовъ Орловской губерніи надѣлено землей приблизительно въ одинаковомъ количествѣ. Но крестьянство первыхъ двухъ уѣздовъ, благодаря ихъ лѣсному характеру, имѣетъ возможность въ широкой степени примѣнять свой трудъ на лѣсныхъ промысловыхъ заработкахъ. Въ Брянскомъ уѣздѣ 62 проц. населенія, а въ Трубчевскомъ 44 проц. занимаются промыслами. И вотъ оказывается, что въ Брянскомъ уѣздѣ лишь 8 проц. обѣднѣвшихъ дворовъ, а въ Трубчевскомъ 14 проц. Наряду съ этимъ въ сосѣднихъ, Ливенскомъ и Елецкомъ уѣздахъ, не взирая на то, что почва тамъ неизмѣримо плодороднѣе, нежели почва Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ, число обѣднѣвшихъ дворовъ значительно большее: въ Ливенскомъ уѣздѣ они составляютъ 41 проц., а въ Елецкомъ 46 проц. Явленіе это вполнѣ совпадаетъ съ малымъ развитіемъ въ этихъ уѣздахъ промысловыхъ заработковъ: въ Елецкомъ уѣздѣ ими заняты лишь 16 проц. населенія, а въ Ливенскомъ 17 проц. Такія же данныя можно привести и относительно многихъ другихъ смежныхъ мѣстностей, данныя, свидѣтельствующія, что крестьяне нынѣ извлекаютъ большую денежную выгоду изъ своего труда, отдавая его другимъ за опредѣленную плату, нежели прилагая его къ собственнымъ земельнымъ владѣніямъ.

Такимъ образомъ выясняется, что если добиваться обезпеченія массы крестьянскаго населенія въ ея насущныхъ потребностямъ исключительно въ земельномъ владѣніи, если земля должна служить единственнымъ источникомъ существованія крестьянства, то крестьянское малоземелье, при существующихъ способахъ использованія крестьянами природныхъ силъ почвы, безспорно, и при томъ оно повсемѣстно, ибо въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлы достигаютъ наибольшихъ размѣровъ (Уфа, Самара, Оренбургъ), а именно 4,8 дес. на наличную душу мужскаго пола, крестьяне, даже при налич-

ности нѣкотораго количества заработковъ, несомнѣнно не только не благоденствуютъ, а, наоборотъ, съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ. Надѣлъ въ 4,8 дес. на душу недостаточенъ и, слѣдовательно, онъ долженъ превышать эту норму. Что же, будемъ стремиться къ этому идеалу и попробуемъ его осуществить, хотя бы путемъ передачи всей земли въ крестьянскую собственность.

Нынѣ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи всей удобной земли числится невступно 318 милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ 112 милліоновъ надѣльныхъ земель 94 милліона десятинъ казенныхъ и удѣльныхъ и 102 милліона частновладѣльческихъ. Но изъ 94 милліоновъ казенныхъ и удѣльныхъ земель годны для земледѣлія лишь съ небольшимъ 6 милліоновъ; остальные покрыты лѣсомъ, при чемъ громадное большинство ихъ, свыше 80 мил. дес., расположено на сѣверѣ Россіи и ни для какой хозяйственной эксплоатанціи не пригодно. Далѣе, изъ 102 милліоновъ частновладѣльческихъ земель, слишкомъ 20 милліоновъ принадлежитъ уже нынѣ крестьянамъ и разбито на мелкія владѣнія, а 38 милліоновъ находятся подъ лѣсами, при чемъ земля эта даже въ случаѣ вырубки растущаго на ней лѣса въ значительной своей части для земледѣлія не годится. Остается такимъ образомъ земель, годныхъ для земледѣлія и могущихъ быть отданными въ крестьянское владѣніе, около 44 милліоновъ. Въ среднемъ нынѣ, или вѣрнѣе въ 1900 году, на наличную душу мужскаго населенія приходилось по 2,7 десятины надѣльной земли. Такъ какъ надѣльныхъ земель всего, какъ указано, 112 милліоновъ десятинъ, то даже распредѣленіе всѣхъ означенныхъ 44 милліоновъ десятинъ между крестьянами увеличитъ ихъ надѣлы въ среднемъ менѣе, нежели на $^2/_5$, а именно на 1.05 дес. на душу, что не доведетъ средняго размѣра ихъ надѣла и до 4 дес. Между тѣмъ мы видѣли, что надѣлы плодороднѣйшей земли восточныхъ губерній въ 4, 8 дес. на душу не обезпечиваютъ крестьянскаго благосостоянія.

Но быть можетъ эти цифры получаются лишь въ среднемъ, смѣшавъ земли всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи. Откинемъ тѣ губерніи, въ которыхъ одна земля ни при какихъ условіяхъ и ни въ какихъ размѣрахъ не можетъ служить единственнымъ источникомъ

существованія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продовольственная площадь едва ли не превышаетъ рабочую. Къ нимъ принадлежатъ всѣ губерніи сѣвернаго раіона (Арханг., Олон., Волог., Петерб., Новг. и Псков.). Въ губерніяхъ этихъ земля и до сихъ поръ настолько мало цѣнится крестьянами, что нерѣдко сдается ими въ аренду за одну уплату лежащихъ на ней денежныхъ повинностей. Далѣе, къ губерніямъ съ малоцѣнною землей надо причислить Вятскую, Пермскую и 7 губерній средне-промышленнаго раіона (Влад., Костр., Ярослав., Твер., Москов., Калужск., Смолен.) и наконецъ 6 губерній сѣверозападныхъ. Прибавимъ къ этимъ губерніямъ и 3 Прибалтійскія, находящіяся въ особыхъ условіяхъ, и мы получимъ общее число губерній 24 За исключеніемъ всѣхъ указанныхъ губерній, раіонъ земледѣльческій, въ которомъ единственно можно надѣяться устроить крестьянское хозяйство на одномъ владѣніи землей, состоитъ изъ 26 губерній. Это именно тѣ губерніи, гдѣ крестьяне и нынѣ черпаютъ средства къ существованію почти исключительно изъ земледѣлія и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянское оскудѣніе съ каждымъ годомъ становится все болѣе острымъ. Въ этихъ губерніяхъ надѣльной земли имѣется 71 милліонъ и внѣнадѣльной крестьянской 10,3 милліона, всего 81 милліонъ десятинъ, что составляетъ въ среднемъ на наличную мужскую душу населенія этого раіона 2,9 десятины. Всѣхъ же частныхъ и казенныхъ земель въ этомъ раіонѣ имѣется около 52 милліоновъ десятинъ, изъ коихъ, однако, свыше 15 милліоновъ покрыты лѣсомъ, сведеніе котораго было бы народнымъ бѣдствіемъ. Такимъ образомъ въ этихъ губерніяхъ возможно увеличить землевладѣніе крестьянъ на 46 проц., что доведетъ средній размѣръ ихъ надѣла до 4,13 десятины. Но количество это все таки меньше того, которое нынѣ находится во владѣніи крестьянъ восточныхъ губерній, гдѣ, однако, какъ мы видѣли, крестьяне съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ.

Словомъ, какъ не перекраивай землю, но, если смотрѣть на нее какъ на единственный источникъ существованія крестьянъ на Руси, для ихъ прокормленія и безбѣднаго существованія земли не хватить.

Но быть можетъ расширеніе площади крестьянскаго

землевладѣнія достижимо посредствомъ широкаго переселенія части населенія въ наши азіатскія владѣнія. Оказывается, однако, что и это неосуществимая мечта. Естественный ежегодный приростъ сельскаго населенія превышаетъ уже нынѣ одинъ милліонъ. Количество переселяющихся на наши восточныя окраины достигало до сихъ поръ въ годы наибольшаго переселенія лишь 200 тысячъ. Увеличить это число въ будущемъ не представляется возможности. Данныя о количествѣ пригодныхъ для переселенія земель въ Сибири и Средней Азіи заставляютъ даже полагать, что и это количество переселяющихся въ будущемъ не представиться возможности устраивать на новыхъ мѣстахъ. Укажу интересующимся этимъ вопросомъ на статью по сему предмету одного изъ лучшихъ знатоковъ переселенческаго дѣла А. А. Кауфмана—„Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ“, помѣщенную въ сборникѣ подъ наименованіемъ „Аграрный вопросъ“. Въ окончательномъ выводѣ авторъ этой статьи приходитъ къ тому заключенію, что хотя свободныхъ земель въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ количественно и очень много, но громадное большинство ихъ качественно для цѣлей переселенія совершенно не пригодно. Какъ выражается авторъ „это не тѣ земли, какія нужны нашему реальному, конкретному переселенческому движенію и ихъ несоотвѣтствіе потребностямъ послѣдняго, хотя и можетъ быть нѣсколько смягчено, но не можетъ быть устранено ни проложеніемъ дорогъ, ни какими бы-то ни было другими мѣрами экономическаго или попечительнаго характера“. И такъ переселеніе не только не можетъ разрѣдить населенія Европейской Россіи, оно даже не въ состояніи удержать его отъ дальнѣйшаго увеличенія.

Съ своей стороны не могу не добавить, что нельзя безнаказанно поощрять переселеніе въ чрезмѣрно широкихъ размѣрахъ ранѣе нежели густота населенія достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ земля, использованная до предѣловъ ея производительности, не въ состояніи его прокормить. Не слѣдуетъ забывать, что въ непосредственномъ съ нами сосѣдствѣ обитаютъ народы, уже научившіеся въ значительно большей степени использовать природныя силы почвы, нежели умѣемъ это дѣлать мы. На такомъ земельномъ пространствѣ и при такихъ

климатическихъ условіяхъ при которыхъ мы не умѣемъ добыть отъ природы необходимое для удовлетворенія нашихъ ограниченныхъ нуждъ, они извлекаютъ достаточное количество цѣнностей для удовлетворенія ихъ потребностей, значительно превосходящихъ наши. Прямымъ послѣдствіемъ этого является, что пока русскій крестьянинъ десятками тысячъ переселяется въ Сибирь, наши западныя окраины наводняются нѣмецкимъ пришельцемъ, мирно, но стойко и неуклонно отодвигающимъ наши энтографическія границы все дальше на Востокъ. Само собою разумѣется, что усиленіе эмиграціи русскаго крестьянина будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличеніе иммиграціи въ наши предѣлы сосѣднихъ съ нами народовъ Запада.

Какъ бы то ни было ни предоставленіе всей площади частновладѣльческихъ земель въ крестьянское пользованіе, ни самое широкое въ предѣлахъ возможнаго переселеніе нашего крестьянства въ азіатскія владѣнія Имперіи, не въ состояніи довести нормы земельнаго обезпеченія крестьянина, при условіи сохраненія существующихъ у него нынѣ сельскохозяйственныхъ пріемовъ, до размѣровъ, удовлетворяющихъ всѣ его жизненныя потребности.

Можетъ ли это, однако, служить основаніемъ для отказа въ дополнительномъ надѣленіи крестьянства землей. Если мы не въ состояніи довести земельные надѣлы крестьянъ до идеальной нормы, то сдѣлаемъ по крайней мѣрѣ то, что можно, увеличимъ эти надѣлы въ предѣлахъ осуществимыхъ, ибо не можетъ вѣдь быть сомнѣній, что всякое увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія пойдетъ крестьянину на пользу, а не во вредъ.

Вотъ именно здѣсь то и кроется сущность всего разсматриваемаго вопроса. Дѣйствительно, если бы земли, могущія быть предоставленными крестьянамъ, нынѣ лежали впустѣ, то, конечно, ихъ переходъ во владѣніе крестьянъ, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, былъ бы для нихъ лишь благодѣтеленъ. Но дѣло въ томъ, что и нынѣ земли эти уже обрабатываются и притомъ обрабатываются тѣми же крестьянами и что переходъ ихъ въ крестьянскія руки будетъ означать лишь перемѣну хозяина. Словомъ, вопросъ состоитъ вовсе не

въ увеличеніи площади производительныхъ земель, а лишь въ раздробленіи этой площади на исключительно мелкія владѣнія. Какія экономическія послѣдствія будетъ имѣть подобная мѣра—вотъ что необходимо прежде всего разсмотрѣть.

Послѣдствія же эти слѣдующія: первымъ по времени и притомъ совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ будетъ уменьшеніе количества общаго сбора хлѣбовъ въ Имперіи. Урожайность владѣльческихъ земель выше крестьянскихъ приблизительно на 20 проц. Эти 20 проц. составляютъ около 180 милліоновъ пудовъ хлѣба въ годъ, иначе говоря 41 проц. нашего средняго хлѣбнаго экспорта въ годъ. На дѣлѣ, однако, разница въ урожайности крестьянскихъ и владѣльческихъ земель значительно большая. Дѣло въ томъ, что при учетѣ частновладѣльческихъ земель приняты всѣ эти земли во всѣхъ 50 губерніяхъ. Между тѣмъ, въ числѣ владѣльческихъ показаны всѣ арендуемыя крестьянами земли, а, какъ извѣстно, урожайность этой площади еще ниже урожайности надѣльныхъ земель. Въ дѣйствительности владѣльческія, обрабатываемыя силами экономіи, земли превышаютъ по своей урожайности крестьянскія земли едва ли не въ два раза. Словомъ, всѣ продовольственные избытки доставляютъ нынѣ частновладѣльческія земли. Именно онѣ доставляютъ весь хлѣбъ нашего иноземнаго экспорта, весь хлѣбъ, потребляемый городскими и вообще неземледѣльческими классами населенія.

Такимъ образомъ первымъ послѣдствіемъ раздробленія всей земли на мелкіе участки явится прекращеніе нашего заграничнаго хлѣбнаго вывоза и, весьма вѣроятно, необходимость ввоза къ намъ хлѣба иноземнаго для прокормленія городскаго населенія. Произойдетъ это вслѣдствіе того, что тѣ нѣсколько лишнихъ десятковъ пудовъ, которые получитъ каждый крестьянскій дворъ, увеличившій свой земельный надѣлъ за счетъ рентныхъ имѣній, въ значительномъ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ не поступятъ въ продажу, а пойдутъ на усиленіе продовольствія семьи домохозяина. Дѣйствительно, даже распредѣленіе всей частновладѣльческой земли между крестьянами не доведетъ крестьянскихъ участковъ до нормы, вполнѣ обезпечивающей

продовольственныя потребности ихъ владѣльцевъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ въ продажу изъ этихъ хозяйствъ сколько-нибудь значительнаго количества продовольственныхъ продуктовъ въ общемъ не поступитъ.

Думать, что крестьяне послѣ дополнительнаго надѣленія будутъ въ состояніи перейти къ болѣе интенсивной системѣ сельскаго хозяйства, также совершенно ошибочно. Сторонники дополнительнаго надѣленія указываютъ, что существующіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ настолько ничтожны, что вести на нихъ интенсивную культуру совершенно невозможно. Въ этомъ они безусловно правы. Техническія улучшенія хозяйства вызываютъ такія общія затраты, которыя окупаются лишь въ томъ случаѣ, если онѣ распредѣляются на сколько-нибудь значительное число единицъ мѣры земельной поверхности. Но именно это обстоятельство должно служить основаніемъ къ принятію мѣръ противъ дальнѣйшаго дробленія земли на участки, не достигающіе того минимальнаго размѣра, при которомъ осуществимо техническое улучшеніе хозяйства. Дополнительное надѣленіе приведетъ къ обратному результату, такъ какъ, уничтоживъ всѣ крупныя владѣнія, оно одновременно увеличитъ мелкія на столь незначительную долю (какъ мы видѣли, не болѣе, какъ на половину), что все же оставитъ ихъ въ категоріи тѣхъ владѣній, на которыхъ никакія техническія улучшенія немыслимы. Какъ я уже указывалъ, средній размѣръ увеличеннаго, путемъ дополнительнаго надѣленія, крестьянскаго земельнаго участка не достигнетъ даже той нормы, которую нынѣ уже представляютъ надѣлы въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, а вѣдь эти надѣлы, какъ я также указывалъ, не обезпечиваютъ ихъ собственникамъ безбѣднаго существованія и не допускаютъ, по словамъ сторонниковъ дополнительнаго надѣленія, именно въ виду ихъ незначительности, примѣненія на нихъ улучшенныхъ способовъ земледѣлія.

И такъ, обращеніе всей нашей земельной площади въ исключительно мелкіе земельные участки, уничтоживъ интенсивную культуру, нынѣ существующую во многихъ среднихъ и крупныхъ имѣніяхъ, одновременно не только не насадитъ этой культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а, наоборотъ, поставитъ все наше земледѣліе

въ такое положеніе, при которомъ увеличеніе урожайности нашихъ земель станетъ фактически невозможнымъ: исчезнетъ самая надежда на подъемъ нашего сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и на подъемъ благосостоянія массы населенія страны.

Вторымъ послѣдствіемъ раздробленія всей земли на мелкіе участки явится исчезновеніе значительнѣйшей части сельскихъ заработковъ. Нынѣ такіе заработки доставляютъ именно владѣльческія экономіи, въ особенности же находящіяся въ этихъ экономіяхъ перерабатывающія сельско-хозяйственное сырье промышленныя заведенія: свеклосахарные, винокуренные, крахмальные и иные заводы. Исчезнутъ свекловичныя плантаціи, одна десятина коихъ даетъ заработка населенію около 50 рублей, чѣмъ и объясняется сравнительная зажиточнось крестьянъ въ юго-западномъ раіонѣ. Сумма этихъ заработковъ еще 4 года тому назадъ, и при томъ при одной обработкѣ пашни и уборкѣ травъ, составляла въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи 348 милліоновъ рублей. Но это лишь часть этихъ заработковъ. Къ указанной суммѣ надо еще прибавить все, что крестьяне выручаютъ за тѣ многочисленныя постоянныя работы во владѣльческихъ экономіяхъ по уходу за скотомъ, ремонту построекъ и множеству мелкихъ работъ, доставляющихъ въ общей совокупности населенію весьма значительныя денежныя средства. Не слѣдуетъ забывать, что сельскіе заработки у насъ имѣютъ особое значеніе именно въ земледѣльческомъ раіонѣ, вслѣдствіе столь часто постигающихъ то ту, то другую часть этого раіона неурожаевъ. Нынѣ въ неурожайные годы крестьяне этого раіона, живущіе по сосѣдству съ владѣльческими экономіями, все же не совершенно лишаются средствъ къ существованію. Средства эти доставляютъ имъ работы въ экономіяхъ, которыя при неурожаѣ если и сокращаются, то въ сущности въ незначительной степени. Словомъ нынѣ неизбѣжный при нашихъ условіяхъ сельскохозяйственный рискъ не всецѣло ложится на крестьянина: онъ въ значительной степени раздѣляется съ нимъ землевладѣльцемъ. Иначе говоря не весь трудъ земледѣльца можетъ оказаться пропащимъ и совершенно неоплаченнымъ. Тотъ его трудъ, который онъ прилегаетъ на владѣльческихъ поляхъ во

всякомъ случаѣ оплачивается, независимо отъ того принесетъ ли онъ дѣйствительную пользу или по климатическимъ условіямъ даннаго года окажется напраснымъ. Совершенно иное положеніе создастся при переходѣ всей земли въ крестьянское владѣніе. Можно сказать, что крестьянинъ ежегодно будетъ вынужденъ ставить на карту всю свою рабочую силу. Страхъ беретъ при одной мысли отъ того положенія въ которомъ очутится при такихъ условіяхъ наше крестьянство въ неурожайные годы.

Однако, и этого мало. Слѣдомъ за уменьшеніемъ сельскихъ заработковъ значительно понизятся заработки городскіе, ибо сократится промышленность, а слѣдовательно и торговля. Промышленность не можетъ существовать безъ многомилліоннаго рынка покупателей. Наша промышленность, не имѣющая никакой возможности конкурировать на международномъ рынкѣ, основывать свою дѣятельность на сбытѣ своихъ фабрикатовъ одному лишь городскому населенію, конечно не въ состояніи. Крестьянскій же рынокъ для промышленности съ раздробленіемъ всей земли на мелкіе участки, можно сказать, совершенно закроется. Произойдетъ это вслѣдствіе исчезновенія изъ крестьянскаго хозяйства денежныхъ знаковъ, которые нынѣ къ нему притекаютъ почти исключительно отъ заработковъ. Дѣйствительно, отъ денежной системы хозяйства, къ которой крестьяне только что съ такимъ трудомъ, цѣною величайшихъ жертвъ, примѣнились, они вынуждены будутъ вновь перейти къ хозяйству натуральному.

Наконецъ, нельзя не задаться вопросомъ, гдѣ же при такихъ условіяхъ найдетъ примѣненіе для своего труда наростающая крестьянская масса? Сторонники дополнительнаго надѣленія указываютъ, что нынѣ крестьяне прилагаютъ къ обработкѣ всей площади своихъ надѣльныхъ земель лишь четверть своей рабочей силы, а именно, что площадь этихъ земель требуетъ для своей обработки съ небольшимъ лишь 11 милліоновъ людей, между тѣмъ крестьянъ рабочаго возраста имѣется на Руси свыше 44 милліоновъ. Однако, для примѣненія всей этой рабочей силы надо было бы увеличить крестьянскія земли въ четыре раза. Но мы видѣли, что ее и въ полъ-раза увеличить нельзя. Такимъ образомъ,

при раздѣлѣ всѣхъ земель между крестьянами, обработка ихъ потребуетъ лишь около 17 милліоновъ людей. Спрашивается, что же будутъ дѣлать остальные 27? Но и этого мало. Съ переходомъ частновладѣльческихъ земель въ крестьянскія руки, количество прилагаемаго къ землѣ труда не увеличится, а уменьшится. Вѣдь частновладѣльческія земли и нынѣ обрабатываются трудомъ крестьянъ, причемъ обработка ихъ, въ виду господствующей на этихъ земляхъ болѣе интенсивной системы хозяйства, поглощаетъ большее количество труда, нежели обработка крестьянами своихъ земель. Словомъ, вмѣсто увеличенія крестьянскаго труда по обработкѣ земли, переходъ частновладѣльческихъ имѣній въ крестьянскія руки поведетъ къ уменьшенію этого труда.

Сводя все сказанное во-едино, можно прійти лишь къ слѣдующему выводу. Передача всей земли или хотя бы значительной ея части въ крестьянскія руки, т. е. раздробленіе ея на исключительно мелкія владѣнія, не только не повыситъ благосостоянія крестьянской массы, а, наоборотъ, ввергнетъ ее въ величайшую нищету. Одновременно такая мѣра приведетъ къ полному экономическому крушенію страны. Она разрушитъ нашу далеко не окрѣпшую промышленность. Она понизитъ торговые обороты. Она превратитъ нашъ торговый балансъ въ исключительно пассивный. Она уничтожитъ всякую культуру въ сельскихъ мѣстностяхъ. Она понизитъ скотоводство. Она уничтожитъ коневодство. Она убьетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, а именно всѣ тѣ, веденіе которыхъ требуетъ значительныхъ оборотныхъ средствъ и крупныхъ первоначальныхъ затратъ. Мѣру эту требуютъ въ видахъ общественной пользы, но послѣдствіемъ ея будетъ общественное бѣдствіе.

Намъ говорятъ, что захваты земли крестьянами являются слѣдствіемъ необходимости, что они происходятъ подъ давленіемъ острой нужды, что остановить ихъ нельзя, что если не дать земли добровольно, то она будетъ захвачена силой. Но оказывается, что, когда всю землю раздадутъ, нужда не уменьшится, а, наоборотъ, увеличится. Что же тогда крестьяне будутъ захватывать землю силою другъ у друга? Нѣтъ, это все слабые, плохіе доводы.

Вся ошибочность ученія сторонниковъ дополнительнаго надѣленія происходитъ вслѣдствіе ихъ желанія равномѣрно и правильно распредѣлить имущественныя богатства ранѣе самаго накопленія этихъ богатствъ. Сначала нужно достигнуть послѣдняго, сначала нужно накопить богатства въ значительныхъ размѣрахъ, а затѣмъ уже приступить къ изысканію способа правильнаго и равномѣрнаго ихъ распредѣленія. Равномѣрное распредѣленіе богатства—это послѣдующій идеалъ, недостижимый ранѣе осуществленія другого идеала—увеличенія богатства страны, взятой въ совокупности. Именно къ этому послѣднему должны быть направлены всѣ усилія государства въ настоящее время. Представьте себѣ, что охапку дровъ, достаточную, чтобы согрѣть помѣщеніе, могущее вмѣстить около сотни человѣкъ, расколютъ на лучины и раздадутъ этимъ людямъ, чтобы они при ихъ помощи согрѣлись въ своихъ помѣщеніяхъ. Ясно, что въ результатѣ ни одинъ человѣкъ не будетъ въ состояніи согрѣться. То же самое произойдетъ при раздробленіи всѣхъ крупныхъ имѣній на мелкіе участки. Тѣ сотни и тысячи людей, которые кормились до сыта вокругъ этихъ имѣній на различныхъ при нихъ работахъ, на своихъ отдѣльныхъ участкахъ, въ лучшемъ случаѣ, будутъ жить впроголодь.

Я не касаюсь вопроса о порядкѣ фактическаго осуществленія предположенной мѣры. На дѣлѣ она въ высшей степени затруднительна. На ряду съ мѣстностями, въ которыхъ площадь, такъ называемыхъ, рентныхъ имѣній, больше, нежели площадь крестьянскихъ земель и гдѣ за надѣленіемъ крестьянъ до средней идеальной нормы еще останутся земельные излишки, имѣются и такіе, гдѣ земли для указанной цѣли совершенно недостаточно. Наконецъ, есть мѣстности—есть цѣлыя волости—гдѣ, кромѣ крестьянскихъ земель, никакихъ иныхъ не имѣется. Какъ тутъ поступить? Словомъ, правильное распредѣленіе земли между крестьянскимъ населеніемъ, раздробленіе ея на равномѣрные участки и практически неосуществимо. Оно связано съ такимъ всеобщимъ переселеніемъ, котораго и представить себѣ нельзя.

Равнымъ образомъ не касаюсь я и финансовой стороны этого дѣла,—степени возможности уплатить вла-

дѣльцамъ земли сколько-нибудь соотвѣтствующую ея стоимости сумму. Откуда взять эти средства, для меня положительно загадка. Наконецъ, не касаюсь я и того развращающаго дѣйствія, которое всегда оказываетъ на трудоспособность массы всякое даровое увеличеніе ея достатковъ. Давно извѣстно, что для обезпеченія благосостоянія человѣка важно не столько предоставленіе въ его распоряженіе какихъ-либо готовыхъ цѣнностей, сколько развитіе въ немъ способности самому лично вырабатывать эти цѣнности. Важно вооружить человѣка тѣмъ магическимъ жезломъ, при помощи котораго онъ даже безводную пустыню съумѣлъ заставить давать ему средства къ существованію. А жезлъ этотъ именуется—трудоспособность, предпріимчивость, энергія. Но всякія подачки, прежде всего, убиваютъ въ человѣкѣ именно его трудоспособность, его предпріимчивость, убиваютъ въ немъ, съ одной стороны, сознаніе о необходимости труда для обезпеченія своего существованія, убиваютъ съ другой—стремленіе къ достиженію лучшей доли собственными силами.

Словомъ, какъ не разсматривать раздробленіе нашей земельной площади исключительно на мелкія владѣнія, оно одинаково представляется и практически неосуществимымъ и по результатамъ своимъ вредоноснымъ какъ для всего государства, взятаго въ совокупности, такъ прежде всего для массы самого земельнаго крестьянства, для блага котораго оно будто бы предназначено.

Но мнѣ возразятъ—„вы сгущаете краски: никто не желаетъ раздробленія всей земли на мелкія владѣнія, никто не желаетъ ея безусловно равномѣрнаго распредѣленія. Рѣчь идетъ лишь о дополнительномъ надѣленіи дѣйствительно малоземельныхъ крестьянъ, т. е. тѣхъ крестьянъ, размѣры надѣловъ которыхъ достигли нынѣ ничтожнѣйшихъ размѣровъ и ни при какомъ способѣ ихъ обработки обезпечить существованія ихъ владѣльцевъ не могутъ“.

Прежде всего это не такъ. Такія лица какъ, напримѣръ, профессоръ Герценштейнъ говорятъ именно о распредѣленіи всей земли и даже объ ея націонализаціи, т. е. о признаніи ея государственной собственностью, съ предоставленіемъ каждому такой ея доли въ личное пользованіе, которую онъ можетъ обработать силами

своей семьи. Далѣе, профессоръ Мануйловъ дѣйствительно ограничивается предположеніемъ о дополнительномъ надѣленіи лишь малоземельныхъ крестьянъ, но таковыми онъ считаетъ всѣхъ крестьянъ, не имѣющихъ высшаго душевого надѣла, и для ихъ дополнительнаго надѣленія требуетъ 35 милліоновъ десятинъ. Но вѣдь эти 35 милліоновъ и есть почти вся площадь культурныхъ земель, находящихся въ частномъ владѣніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля представляетъ нынѣ дѣйствительную цѣнность. Я уже сказалъ, что въ раіонѣ 26 губерній земледѣльческой полосы имѣется всѣхъ годныхъ для земледѣлія земель, казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ, 40 милліоновъ. Если мы примемъ во вниманіе, что изъ этихъ 40 милліоновъ нѣкоторая часть и нынѣ уже раздроблена на мелкія владѣнія, то выяснится, что профессоръ Мануйловъ также требуетъ для крестьянскаго надѣленія всей площади рентныхъ имѣній.

Правда, что на ряду съ этимъ существуютъ и болѣе скромныя предложенія. Такъ, напримѣръ, есть лица, которыя утверждаютъ, что главная причина оскудѣнія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства кроется въ неправильномъ соотношеніи различныхъ угодій, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ и прежде всего въ недостаткѣ у нихъ луговой, сѣнокосной и выгонной земли: достаточно-де прирѣзать имъ незначительную площадь земли для обезпеченія пастьбы ихъ скота, дабы уже значительно поднять ихъ благосостояніе. При этихъ-де условіяхъ крестьяне будутъ въ состояніи уменьшить количество пара, нынѣ имъ необходимаго для пастьбы скота, что и дастъ имъ возможность перейти отъ трехпольной къ четырехпольной системѣ полеводства.

Да простятъ мнѣ лица, такъ думающія, но вѣдь это какая-то наивность, какая-то политико-экономическая маниловщина. Луговъ вѣдь не создашь и если ихъ въ данной мѣстности нѣтъ (а нѣтъ ихъ во многихъ мѣстностяхъ), то крестьянамъ ихъ никакъ не прирѣжешь. Что же касается выгоновъ, то естественно, что сколько земли крестьянамъ не прирѣзай, они ее подъ выгономъ не оставятъ, а немедленно обратятъ въ ту же пашню; впрочемъ, и обращать въ пашню прирѣзанную имъ землю крестьянамъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не придется, такъ какъ прирѣжутъ имъ землю

уже распаханную: выгоновъ вѣдь у помѣщиковъ тоже не имѣется. Наконецъ, переходъ крестьянъ къ четырехполью затрудняется отнюдь не исключительно недостаткомъ у нихъ пастбищъ. Препятствуетъ этому множество причинъ, и прежде всего неизмѣнно присущая массѣ населенія рутина. Отъ этой рутины могутъ отойти лишь отдѣльные, наиболѣе предпріимчивые крестьяне. Надѣяться на массовый переходъ цѣлыми сельскими обществами къ улучшеннымъ пріемамъ полеводства безусловно нельзя. Такимъ образомъ главнымъ препятствіемъ къ усовершенствованію крестьянскаго полевого хозяйства является принудительный сѣвооборотъ, одинаково распространенный какъ на общинныхъ, такъ и на подворныхъ земляхъ, въ силу коего ни одинъ крестьянинъ не можетъ измѣнить своей системы полеводства безъ одновременнаго соотвѣтственнаго измѣненія полеводства всѣми членами сельскаго общества.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду главнаго, а именно принципіальную сторону разсматриваемаго вопроса. Тотъ принципъ, который положенъ въ основу разрѣшенія какого-либо вопроса, обусловливаетъ и все его дальнѣйшее направленіе. Достаточно провозгласить дополнительное надѣленіе землей въ какихъ бы то ни было, хотя бы въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, дабы силою вещей быть вынужденнымъ впослѣдствіи, и при томъ въ ближайшемъ будущемъ, идти тѣмъ же путемъ. Въ конечномъ результатѣ процессъ этотъ можетъ закончиться только окончательнымъ раздѣломъ всѣхъ рентныхъ владѣній на мелкіе рабочіе участки.

Дополнительное надѣленіе ставятъ въ связь съ великой реформой 19-го февраля 1861 года; утверждаютъ, что оно ея естественное логическое продолженіе и даже, болѣе того, что осуществленное въ извѣстныхъ размѣрахъ, а именно по отношенію лишь къ нѣкоторымъ разрядамъ крестьянъ, исправленіе тѣхъ дефектовъ великаго акта 19-го февраля 1861 года, которые въ него вкрались благодаря проискамъ помѣстнаго сословія. Такими недостатками признаются—допущеніе такъ называемыхъ дарственныхъ, четвертныхъ надѣловъ; отрѣзка въ пользу помѣщика той части, состоявшей въ пользованіи крестьянъ земли, которая превышала выс-

шій для данной мѣстности размѣръ душеваго надѣла; оставленіе всѣхъ дворовыхъ (всего въ числѣ около 720 тысячъ человѣкъ) безъ всякаго земельнаго обезпеченія. Послѣдствіемъ этихъ недочетовъ было, по увѣренію этихъ лицъ, то, что $4^{1}/_{2}$ милліона помѣщичьихъ крестьянъ изъ общаго ихъ числа — 10,6 милл., т. е. 41 проц., были надѣлены недостаточно. Наряду съ этимъ указываютъ на дороговизну выкупной цѣны земли, особенно тяжелую для крестьянъ, надѣленныхъ не въ полномъ размѣрѣ душевого надѣла вслѣдствіе того, что первая десятина расцѣнивалась дороже, нежели послѣдующія. Отрицать справедливость большинства этихъ указаній нѣтъ возможности. Но это дѣло прошлаго, котораго не вернешь, а нынѣ, по прошествіи 40 лѣтъ, не исправишь. Вѣдь многія изъ тѣхъ земель, которыя при иной постановкѣ закона могли бы отойти къ крестьянамъ въ 1861 году, съ тѣхъ поръ уже раздробились на мелкія владѣнія, часть ихъ уже перешла къ тѣмъ же крестьянамъ, но, быть можетъ, другихъ сельскихъ обществъ. Съ другой стороны земли эти нынѣ отрѣзать отъ многихъ имѣній безъ нарушенія всего хозяйства имѣнія, всей его системы, нельзя. Благоустроенное имѣніе—органическое цѣлое, вырвать изъ котораго какую-либо часть безнаказанно нельзя. Съ количествомъ земли въ благоустроенномъ имѣніи сообразовано число и размѣръ сельскохозяйственныхъ построекъ, сообразованы размѣры находящагося въ имѣніи перерабатывающаго сельскохозяйственное сырье техническаго производства.

Что же касается сравненія предположенной мѣры по ея характеру съ реформой 19-го февраля, то оно безусловно неправильно. Тутъ рѣшительно ничего общаго нѣтъ. Въ 1861 году крестьянамъ было передано лишь то, что фактически уже находилось въ ихъ пользованіи. Ни одной лишней десятины сельскимъ обществамъ противъ этого пользованія прирѣзано не было. Такимъ образомъ рамки реформы 1861 года были заранѣе точно установлены. Она касалась совершенно опредѣленнаго объекта. Иное положеніе нынѣ. Должна быть прирѣзана земля, неизвѣстно гдѣ находящаяся, неизвѣстно кому принадлежащая, и при томъ неизвѣстно, въ какомъ размѣрѣ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія степени цѣлесообразности этой крупнѣйшей, радикальнѣйшей мѣры, предположенной для разрѣшенія аграрнаго вопроса, нельзя не указать и еще на одно изъ ея неизбѣжныхъ послѣдствій, на то неминуемое нарушеніе множества затрагиваемыхъ ею частныхъ интересовъ. Умъ отказывается охватить и тѣмъ менѣе предусмотрѣть всѣ ея послѣдствія. Это въ полномъ смыслѣ переворотъ въ народной жизни, насильственное нарушеніе множества юридическихъ правоотношеній. Вѣдь, помимо самихъ собственниковъ земли, надо имѣть въ виду интересы и третьихъ лицъ, интересы залогодержателей, интересы арендаторовъ какъ долгосрочныхъ, такъ и краткосрочныхъ, наконецъ интересы тѣхъ состоятельныхъ сельскихъ обществъ, которыя нынѣ арендуютъ землю и у которыхъ она будетъ отнята въ пользу несостоятельныхъ малоземельныхъ. Послѣднее обстоятельство особенно важно, а именно оно то совершенно упускается изъ виду, а вѣрнѣе умалчивается сторонниками дополнительнаго надѣленія. Дѣйствительно, въ настоящее время, хотя нѣкоторая, и притомъ довольно значительная доля частновладѣльческихъ земель, и состоитъ уже въ фактическомъ пользованіи крестьянъ, снимающихъ ихъ въ аренду, но это безусловно не тѣ крестьяне, которые получатъ эти земли въ случаѣ дополнительнаго надѣленія. Послѣднее, силою вещей, коснется почти исключительно маломочныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, арендуютъ нынѣ помѣщичьи земли крестьяне сравнительно зажиточные. Безлошадные дворы, конечно, не могутъ арендовать земли, за отсутствіемъ необходимаго для ея обработки живаго, а отчасти даже и мертваго инвентаря.

Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ приводитъ меня къ тому заключенію, что дополнительное надѣленіе землей есть мѣра юридически незаконная, экономически пагубная, а соціально нелѣпая. Это не что иное, какъ стрижка всѣхъ подъ одно лекало; уравненіе внизъ, а не вверхъ. Задача государства состоитъ въ подъемѣ благосостоянія массъ посредствомъ постепеннаго приближенія его къ благостоянію верхнихъ наиболѣе матеріально обезпеченныхъ слоевъ населенія. Распредѣленіе же земли на равномѣрныя малыя доли поведетъ именно къ обратному. Оно поставитъ все

сельское населенiе въ одинаково невыгодныя экономическiя условiя, и притомъ въ такiя, при которыхъ дальнѣйшее развитiе его благосостоянiя окажется совершенно неосуществимымъ, причемъ не допустятъ эти условiя и выдѣленiя отдѣльныхъ личностей изъ крестьянской среды, не допустятъ ихъ восхожденiя по экономической социальной лѣстницѣ.

Гдѣ же, однако, при такихъ условiяхъ выходъ изъ даннаго несомнѣнно тяжелаго положенiя значительной части земельнаго крестьянства? Вѣдь, существующее положенiе нестерпимо и, если не принять какихъ-либо самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, народное оскудѣнiе, и нынѣ уже достигшее грозныхъ размѣровъ, превзойдетъ всякiе предѣлы. Голодъ—вотъ что ожидаетъ страну, если не направить народныя силы въ дѣйствительно плототворное экономическое русло.

Въ предыдущемъ изложенiи я стремился выяснить, что при современномъ уровнѣ крестьянскаго земледѣлiя, надѣленiе всѣхъ крестьянъ землею въ размѣрахъ, достаточныхъ для обезпеченiя ихъ существованiя, а тѣмъ болѣе для использованiя всей крестьянской рабочей силы—неосуществимо. Одновременно я привелъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что раздробленiе всей земли на мелкiя владѣнiя, сопряженное съ упраздненiемъ рентныхъ хозяйствъ, приведетъ къ полному банкротству страны, уничтожитъ въ ней всякую культуру и въ конечномъ результатѣ обречетъ народныя массы на голодъ и даже вымиранiе. Предположенный способъ обезпеченiя благосостоянiя массы населенiя, утверждалъ я, противорѣчитъ своей цѣли.

Поневолѣ приходится, для достиженiя этой цѣли, прибѣгнуть къ другому способу, а именно къ тому, который съ такимъ успѣхомъ примѣняется въ странахъ Западной Европы, къ поднятiю благосостоянiя страны вообще, къ повышенiю количества производимыхъ страною цѣнностей, къ использованiю всей рабочей силы населенiя, независимо отъ того прилагается ли эта сила

къ собственной землѣ или къ состоящей во владѣніи другихъ лицъ, находитъ ли она примѣненіе въ сельско-хозяйственной промышленности, или въ какой либо иной отрасли народнаго хозяйства. Словомъ, не обезпеченіе всѣхъ недвижимымъ земельнымъ имуществомъ, а обезпеченіе каждаго работою—вотъ чего слѣдуетъ намъ добиваться. Послѣдняя задача тоже крайне трудная, но все же мыслимая, первое же фактически неосуществимо. Наконецъ, основывать благосостояніе массы на такихъ мѣрахъ, которыя роковымъ образомъ ведутъ къ уменьшенію богатства страны, взятой въ совокупности, — актъ безумія. Въ области сельскаго хозяйства надо, исходя изъ того общаго неоспоримаго положенія, что чѣмъ богаче страна вообще, тѣмъ лучше въ ней живется массѣ населенія, направить всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить земледѣліе въ условія, наилучшимъ образомъ обезпечивающія полнѣйшее использованіе природныхъ силъ почвы. Необходимо установить такой аграрный строй, который велъ бы къ вящщему приращенію народныхъ богатствъ, хотя бы при этомъ не было соблюдено равномѣрное распредѣленіе этихъ богатствъ, хотя бы даже пришлось осудить часть населенія на безземеліе.

Если же мы обратимся къ увеличенію не площади крестьянскаго землевладѣнія, а количества плодотворно затрачиваемаго на этой площади труда, иначе говоря, къ увеличенію добываемыхъ съ этой площади цѣнностей, то убѣдимся, что въ этомъ направленіи передъ нами, необъятное поле дѣятельности. Дѣйствительно урожайность нашихъ земель, по своей ничтожности, сдѣлалась, можно сказать притчею во языцѣхъ. Ни въ одной странѣ Западной Европы сборъ зерновыхъ хлѣбовъ съ десятины въ среднемъ не падаетъ ниже 44 пудовъ за исключеніемъ сѣмянъ. Въ такой странѣ какъ Норвегія, климатическія и почвенныя условія которой не только не лучше, но даже хуже нашихъ, средній сборъ хлѣбовъ достигаетъ 110 пудовъ съ десятины. У насъ сборъ этотъ не превышаетъ въ среднемъ 30,3 пудовъ!

Наряду съ этимъ, нигдѣ количество пустующей земли, состоящей подъ паромъ, не составляетъ той доли площади пахатныхъ земель, какъ у насъ. Такъ во Франціи подъ паромъ остается лишь 6% пахатной площади, въ Германіи доля эта повышается до 13%, у насъ же она въ

среднемъ составляетъ 37%, а собственно на крестьянскихъ земляхъ превышаетъ 40%. Поднимите урожайность нашихъ земель хотя бы на 10 пудовъ съ десятины введите въ площадь используемыхъ земель хотя бы половину пара и вы увеличите благосостоянiе крестьянъ въ значительно большемъ размѣрѣ, нежели посредствомъ передачи въ ихъ владѣнiе всей площади обрабатываемыхъ земель Имперiи, причемъ сохраните за крестьянами и всѣ тѣ заработки, которые имъ нынѣ доставляютъ владѣльческiя экономiи.

Не недостаточностью количества земли, находящейся въ крестьянскомъ владѣнiи, вызывается невозможность использовать на этой землѣ всю крестьянскую рабочую силу, а исключительно господствующими у нашихъ крестьянъ первобытными способами обработки почвы, способами лишь на одинъ шагъ ушедшими отъ существующихъ при кочевомъ бытѣ, при которомъ используются лишь самородные продукты почвы. Количества земли, находящейся въ обладанiи государства, увеличить нельзя. Нельзя въ виду этого прибавить каждому крестьянину нѣсколько лишнихъ десятинъ земли, но зато каждая изъ находящихся въ его пользованiи десятинъ, можетъ плодотворно поглотить въ нѣсколько разъ большее количество труда, нежели она поглощаетъ его нынѣ. Сказанное отнюдь не противорѣчитъ тому, что веденiе интенсивнаго хозяйства возможно только на сколько нибудь значительномъ земельномъ пространствѣ.

Дѣло въ томъ, что между интенсивными системами полеводства и тѣми способами обработки почвы, которые примѣняются нашимъ крестьянствомъ, цѣлая пропасть. Завести многопольное хозяйство съ посѣвомъ травъ и корнеплодовъ наши крестьяне на своихъ надѣлахъ не въ состоянiи, но болѣе тщательно подготавливать пашню подъ посѣвъ, чище отсортировать посѣвные сѣмена они конечно могутъ. Между тѣмъ самое незначительное улучшенiе въ этомъ дѣлѣ дастъ уже весьма замѣтные результаты. Лучшимъ доказательствомъ сему служатъ владѣльческiя экономiи: многiя изъ нихъ отличаются отъ крестьянскаго хозяйства именно только въ отношенiи обработки пашни и сортировки сѣмянъ, между тѣмъ, получаемые ими урожаи, значительно выше и устойчивѣе нежели у крестьянъ.

Наконецъ, не ищите въ одной землѣ, въ одномъ занятiи земледѣлiемъ, источника крестьянскаго благосостоянiя, развейте всѣ побочные промыслы, прежде всего тѣ, которые связаны съ сельскохозяйственной промышленностью, и вы дѣйствительно обезпечите ростъ крестьянскаго благосостоянiя. Словомъ, стремитесь къ достиженiю конечной цѣли—увеличенiю крестьянскихъ доходовъ, а не къ достиженiю цѣли служебной—увеличенiю площади его землевладѣнiя. Въ настоящее время этого различiя безусловно не дѣлаютъ. Признавъ совершенно произвольно и притомъ безусловно неправильно, что увеличенiе площади землевладѣнiя крестьянъ равносильно повышенiю степени ихъ благосостоянiя, всѣ усилiя направили исключительно къ достиженiю указанной служебной цѣли и это до такой степени, что конечная цѣль—повышенiе народнаго благосостоянiя—совершенно исчезла изъ виду, какъ бы затуманилась: о ней забыли, можно сказать, и думать. Представьте себѣ фабрику, допустимъ ткацкую, станки которой работаютъ 8 часовъ въ теченiе сутокъ. Неужели собственникъ такой фабрики, желающiй усилить ея производство, увеличитъ количество своихъ станковъ, не использовавши предварительно свободную продуктивность уже существующихъ. Несомнѣнно, что каждый назоветъ такого фабриканта по меньшей мѣрѣ неразсчетливымъ. Между тѣмъ именно эту операцiю рекомендуютъ намъ сдѣлать по отношенiю къ землѣ, да притомъ еще съ той весьма существенной разницей, что, за невозможностью создать новую землю, хотятъ ее отобрать изъ владѣнiя лицъ, болѣе продуктивно ее использующихъ и передать въ руки людей, извлекающихъ изъ нея меньше цѣнностей и вмѣстѣ съ тѣмъ ее истощающихъ. Въ избранномъ мною примѣрѣ съ фабрикой это было бы равносильно тому, если ея производство было усилено посредствомъ переноса новыхъ станковъ съ сосѣдней фабрики, работающей на нихъ, скажемъ, въ теченiи 12 часовъ въ сутки. Вѣдь всякому ясно, что въ результатѣ какъ страна вообще, такъ въ частности рабочiй классъ потерпѣли бы уронъ. Страна произвела бы меньше цѣнностей, рабочiе получили бы меньше заработной платы. Почему же не хотятъ понять, что рѣшительно тѣ же послѣдствiя имѣетъ переходъ земли изъ

владѣнія лицъ, лучше использующихъ ея силы къ людямъ, извлекающимъ изъ нея меньше продуктовъ?

Въ настоящее время у насъ вся задача сводится къ использованію народной рабочей силы, нынѣ не имѣющей примѣненія. Повысьте продуктивность труда, увеличьте этимъ путемъ количество вырабатываемыхъ въ странѣ цѣнностей и вы тѣмъ самымъ достигнете повышенія народнаго благосостоянія. Положеніе это относится къ числу азбучныхъ истинъ и стыдно, казалось бы, его и повторять, но что же подѣлаешь, если оно нынѣ либо забыто, либо намѣренно умалчивается.

Но какимъ же путемъ можно достигнуть повышенія урожайности нашихъ земель, какимъ способомъ можно распространить въ странѣ болѣе интенсивныя системы полеводства? Мнѣ кажется, что для этого необходимо прежде всего опредѣлить, какія владѣнія, по ихъ размѣрамъ и по способамъ ихъ эксплоатаціи, наиболѣе благопріятствуютъ переходу къ интенсивному хозяйству, а затѣмъ принять мѣры, хотя бы и искусственныя, къ распространенію въ странѣ именно этихъ владѣній.

Вообще принято раздѣлять земельныя владѣнія на три основныя категоріи: мелкія, среднія и крупныя. Къ владѣніямъ мелкимъ относятся всѣ, такъ называемыя, продовольственные и рабочіе участки, т. е. такіе, которые могутъ, если они продовольственные, доставить средства для пропитанія всѣхъ членовъ семьи владѣльца, если же они рабочіе, то поглотить всю рабочую силу этой же семьи. Далѣе, владѣнія среднія, суть тѣ, владѣльцы коихъ, участвуя своимъ личнымъ трудомъ въ ихъ обработкѣ, не могутъ, однако ограничиться рабочими силами своей семьи, а пользуются и наемною рабочею силою. Наконецъ крупными владѣніями называются такія, владѣльцы коихъ, если и принимаютъ участіе въ ихъ хозяйствѣ, то лишь въ управленіи ими: своей физической трудовой силы они къ землѣ не прилагаютъ и пользуются ею преимущественно въ видѣ даваемой ею ренты. Изъ этихъ трехъ категорій наименѣе благопріятныя условія для веденія интенсивнаго хозяйства несомнѣнно представляютъ владѣнія мелкія. Ихъ собственники, прежде всего, не обладаютъ тѣми двумя придаточными силами, безъ которыхъ использованіе въ полной мѣрѣ природныхъ силъ почвы немыслимо, не

обладаютъ они ни достаточнымъ для сего знаніемъ, ни нужнымъ оборотнымъ капиталомъ. Значительно болѣе продуктивными являются владѣнія крупныя. Собственники ихъ, въ видѣ общаго правила, имѣютъ несомнѣнно большую возможность приложить къ землѣ тѣ двѣ силы, безъ которыхъ земледѣліе не можетъ достигнуть сколько нибудь высокаго уровня,—спеціальныя агрономическія познанія и денежныя средства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крупныя владѣнія даже незамѣнимы въ общемъ строѣ народнаго хозяйства. Такъ, только собственники крупныхъ владѣній въ состояніи оборудовать сложныя техническія заведенія, перерабатывающія сельско-хозяйственное сырье. Вообще существуетъ цѣлый рядъ улучшеній сельскозяйственной техники, который осуществимъ лишь при затратѣ значительнаго капитала. Наконецъ двигать сельскохозяйственную культуру путемъ научно обставленныхъ практическихъ опытовъ, далеко не всегда окупающихся, могутъ равнымъ образомъ лишь собственники крупныхъ владѣній.

Однако, въ смыслѣ продуктивности труда въ его приложеніи къ обработкѣ земли, первенство принадлежитъ безусловно владѣніямъ среднимъ. Дѣйствительно, владѣльцы крупныхъ помѣстій уже отъ того не имѣютъ возможности извлечь изъ нихъ всей ихъ доходности, что не участвуютъ наравнѣ съ рабочими въ ихъ обработкѣ. Въ этомъ отношеніи вся разница между крупнымъ и среднимъ землевладѣльцемъ состоитъ въ томъ, что первый говоритъ своимъ рабочимъ „ступайте работать" второй же говоритъ — „пойдемте работать". Вотъ эта незначительная на первый взглядъ разница и обусловливаетъ различную доходность среднихъ и крупныхъ владѣній. Всякій трудъ, независимо отъ способа его оплаты — посрочно или издѣльно — коль скоро онъ не находится подъ наблюденіемъ лицъ, лично заинтересованныхъ въ его продуктивности, неизмѣнно становится менѣе плодотворнымъ: если онъ посрочный, то страдаетъ количество работъ, если издѣльный, — то понижается ея качество.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что мелкія владѣнія, хотя и представляютъ наименѣе благопріятныя условія для интенсивнаго хозяйства, но значеніе ихъ въ общемъ строѣ сельской жизни также громадно. Съ

одной стороны они доставляютъ тѣ рабочія руки, безъ которыхъ нельзя вести ни средняго, ни крупнаго хозяйства, съ другой эти владѣнія, хотя и не обезпечиваютъ всѣхъ потребностей ихъ владѣльцевъ, но обезпечиваютъ имъ за то значительную долю самостоятельности отъ работодателя, обезпечиваютъ ихъ въ дѣлѣ установленія рабочей платы въ безмѣрно большей степени нежели какія угодно стачки между рабочими пролетарными; они обезпечиваюсъ имъ даровое жилище, обезпечиваютъ въ худшемъ случаѣ кусокъ хлѣба. Если въ большинствѣ случаевъ фабричные рабочіе находятся въ зависимости отъ работодателя, то, наоборотъ, сельскіе рабочіе, владѣющіе хотя бы незначительнымъ участкомъ земли, держатъ въ своей эависимости землевладѣльцевъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ и принято считать, что сельское хозяйство можетъ процвѣтать лишь при болѣе или менѣе равномѣрномъ соотношеніи между владѣніями всѣхъ трехъ указанныхъ мною категорій.

Но если мы взглянемъ на распредѣленіе земельныхъ владѣній по тремъ ихъ основнымъ группамъ у насъ и сопоставимъ его съ распредѣленіемъ существующимъ въ странахъ, достигшихъ наибольшихъ успѣховъ въ области земледѣлія, то убѣдимся, что ни въ одной изъ этихъ странъ мелкое землевладѣніе не занимаетъ столь обширной площади, какъ въ Россіи. Этотъ видъ землевладѣнія, характеризуемый, какъ сказано, обработкою земли собственнымъ трудомъ, безъ помощи наемныхъ рабочихъ, занимаетъ во Франціи 35% площали частновладѣльческихъ земель, въ Германіи 28%, а въ Россіи (считая въ томъ числѣ всѣ надѣльныя земли)—болѣе 60%. Наряду съ этимъ среднее землевладѣніе—обработка земли съ помощью наемныхъ рабочихъ, но при участіи самого хозяина—охватываетъ во Франціи—40% частновладѣльческой территоріи, въ Германіи—47%, въ Россіи же менѣе 3%. Наконецъ крупное землевладѣніе составляетъ во Франціи—25%, частновладѣльческихъ земель, въ Германіи—24%, а въ Россіи около 37%. При этомъ во Франціи нѣтъ владѣній, размѣръ коихъ превышалъ бы 1.000 гектаровъ, въ Германіи такихъ владѣній очень мало, у насъ же около 4/5 крупныхъ владѣній (т. е. около 1/3 всѣхъ част-

новладѣльческихъ земель) приходится на долю владѣній, превышающихъ 1.000 десятинъ. Правда, тысяча десятинъ при нашихъ условіяхъ еще не можетъ быть признано чрезмѣрно крупнымъ владѣніемъ. Но дѣло въ томъ, что большая часть частновладѣльческихъ земель въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. за исключеніемъ надѣльныхъ земель, разбита на владѣнія, превышающія 5.000 десятинъ, причемъ владѣнія въ 10.000, и даже 20.000 отнюдь не исключеніе

Въ общемъ экономическомъ строѣ страны владѣнія такихъ размѣровъ не только безполезны, но даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, вредны. Использовать всю природную силу почвы подобныхъ латифундій собственники ихъ, какими бы капиталами они не обладали, безусловно не въ состояніи: затраты необходимыя для веденія на всей ихъ площади интенсивнаго хозяйства слишкомъ громадны. Наряду съ этимъ, у лицъ, владѣющихъ латифундіями, отсутствуетъ самый главный стимулъ къ наиболѣе производительному использованію земли, къ использованію всей ея доходности, отсутствуетъ необходимость увеличить свой доходъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Владѣльцы такихъ громадныхъ территорій, изъ коихъ нѣкоторыя превышаютъ размѣры мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ, въ большинствѣ случаевъ настолько богаты, что получаемый ими доходъ, сколь бы малый процентъ принадлежащаго имъ капитала онъ не составлялъ, въ общемъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что съ избыткомъ удовлетворяетъ всѣ ихъ прихоти. Наконецъ, именно въ подобныхъ имѣніяхъ въ особенности распространена сдача земли крестьянамъ въ аренду, которая нынѣ вызываетъ столько небезосновательныхъ нареканій. Не эти ли крупныя владѣнія, лично ихъ собственниками эксплоатируемыя лишь въ незначительной ихъ части, возбуждаютъ зависть крестьянъ? Если утвержденіе, что земля должна принадлежать исключительно земледѣльцу, при всей своей теоретической справедливости, не только практически неосуществима, но экономически для страны пагубна, то нельзя не признать, что собственникъ земли лишь постолько имѣетъ на нее нравственное право, поскольку онъ прилагаетъ къ ней хотя бы малую часть самого себя, своихъ знаній и своего капитала. Владѣніе землей

не можетъ быть приравнено къ владѣнію какимъ-либо имуществомъ, созданнымъ трудомъ человѣка. Немыслимо себѣ представить такое государство, которое допустило бы сосредоточеніе всей его территоріи во владѣніи одного лица. Было бы еще чудовищнѣе, если государство допустило бы владѣльца всей этой территоріи оставлять ее совершенно не обработанной, допустило бы неиспользованіе ея природныхъ силъ.

По этимъ основаніямъ я полагаю, что государство въ правѣ принять особыя мѣры для распредѣленія своей территоріи на такія отдѣльныя владѣнія, размѣры коихъ наиболѣе благопріятствуютъ увеличенію богатства страны, взятой въ совокупности, богатству, основанному, посколько оно зависитъ отъ земледѣлія, на степени использованія природныхъ силъ почвы, на степени достигнутой урожайности ея полей. Предстоящая въ этомъ отношеніи Россіи задача состоитъ въ увеличеніи площади средняго землевладѣнія за счетъ мелкаго и крупнаго. По отношенію къ крупнымъ владѣніямъ задача эта не особенно трудная. Дѣятельнымъ факторомъ въ этомъ направленіи могъ бы явится крестьянскій банкъ, которому нынѣ поручено покупать земли въ собственное распоряженіе въ широкихъ размѣрахъ. Распродавая покупаемыя имъ имѣнія не мелкими рабочими участками, а, наоборотъ, участками средней величины, приблизительно отъ 50 до 150 дес. въ зависимости отъ того раіона Имперіи, въ которомъ они расположены, банкъ можетъ явиться могучимъ разсадникомъ средняго землевладѣнія. Едва ли, однако, можно этимъ однимъ ограничиться. Опасаюсь, что банку удастся купить не наиболѣе крупныя имѣнія, а наоборотъ тѣ, которыя приняты у насъ, по нашей неправильной номенклатурѣ, называть имѣніями средней величины, т. е. заключающія 1000, много 2000 дес. Самыя крупныя владѣнія, какъ находящіяся въ рукахъ людей экономически наиболѣе сильныхъ, едва ли попадутъ во владѣніе банка въ значительномъ количествѣ. Единственнымъ средствомъ къ побужденію владѣльцевъ латифундій либо вести на всей ихъ площади интенсивное хозяйство, либо раздробить свои имѣнія путемъ продажи на болѣе мелкія, представляется, на мой взглядъ, установленіе прогрессивнаго налога на земельныя имущества. Само собою разумѣется,

что прогрессія эта должна быть умѣренная, ибо въ противномъ случаѣ установленіе ея пріобрѣтетъ характеръ той же насильственной экспропріаціи земельной собственности у нѣкоторой части землевладѣльцевъ, о которой мечтаютъ сторонники дополнительнаго надѣленія. Но при условіи разумной ея постановки мѣра эта не явится безусловнымъ запретомъ для одного лица сосредоточивать въ своемъ владѣніи, въ одномъ болѣе или менѣе сплошномъ участкѣ, свыше опредѣленнаго количества земли. Она лишь побудитъ владѣльца довести доходность его земельныхъ имуществъ до такихъ размѣровъ, при коихъ уплата причитающагося съ этихъ имуществъ прогрессивнаго налога не поглащала бы всего чистаго дохода съ имѣнія. При этомъ самая прогрессія въ земельномъ налогѣ должна начинаться лишь по достиженіи земельнымъ владѣніемъ опредѣленной величины, особо установленной для каждаго отдѣльнаго, по его климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, раіона Имперіи. Если бы одновременно были установлены извѣстныя льготы для имѣній съ перерабатывающими сельскохозяйственные продукты техническими производствами въ отношеніи уплаты ими прогрессивнаго налога, причемъ самыя льготы эти зависѣли бы отъ размѣровъ производства промышленнаго заведенія, то мѣра эта явилась бы, хотя и косвеннымъ, но весьма дѣйствительнымъ стимуломъ для распространенія подобныхъ производствъ. Значеніе же ихъ у насъ болѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы громадно, такъ какъ они одни доставляютъ населенію зимніе заработки. Занять зимній досугъ крестьянина,—едва ли не единственное средство для прочнаго подъема его благосостоянія. Дѣйствительно нашъ крестьянинъ можетъ прилагать свой трудъ къ землѣ въ большей части Россіи не болѣе шести мѣсяцевъ въ году. Вслѣдствіе этого, если ограничить его работу однимъ земледѣліемъ, онъ долженъ обезпечить себѣ средства къ существованію въ теченіе цѣлаго года работою, занимающею лишь половину этого времени. Всякому понятно, что при такихъ условіяхъ онъ въ лучшемъ случаѣ въ состояніи удовлетворить лишь самыя насущныя свои потребности.

Прогрессивный налогъ на землю отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ налогомъ подоходнымъ. Послѣдній имѣетъ

въ виду равномѣрное распредѣленіе налогового бремени въ соотвѣтствіи съ платежными средствами облагаемыхъ. Прогрессивный земельный налогъ преслѣдуетъ спеціальную цѣль — повышеніе сельско-хозяйственной культуры въ странѣ, посредствомъ распредѣленія земли на такія отдѣльныя владѣнія, которыя по современнымъ экономическимъ условіямъ въ государствѣ наиболѣе благопріятствуютъ извлеченію изъ почвы наибольшихъ матеріальныхъ выгодъ. При этомъ онъ, какъ сказано, не исключаетъ возможности существованія и очень крупныхъ владѣній въ странѣ, но обусловливаетъ эту возможность доведеніемъ сельскохозяйственной техники въ такихъ владѣніяхъ до наивысшихъ размѣровъ. Поэтому, при установленіи прогрессивнаго поземельнаго налога нѣтъ надобности принимать въ разсчетъ ни доходности имѣнія, ни его капитальной стоимости, ни степени имущественной обезпеченности его собственника, а слѣдовательно и количества имѣющихся у него въ различныхъ мѣстностяхъ отдѣльныхъ имѣній. Налогъ этотъ долженъ быть исчисляемъ отдѣльно по каждому, составляющему одно территоріальное цѣлое, земельному имуществу. Само собою разумѣется, что понятіе объ отдѣльномъ имѣніи должно быть точно установлено въ самомъ законѣ.

Введеніе прогрессивнаго земельнаго налога несомнѣнно окажетъ весьма сильное вліяніе на увеличеніе площади среднихъ владѣній за счетъ крупныхъ. Но это лишь одна половина задачи. Необходимо еще принять мѣры къ превращенію части площади земли, которая нынѣ раздроблена на владѣнія мелкія, отчасти даже парцелярныя, равнымъ образомъ во владѣнія средней величины. Съ послѣдовавшею по Манифесту 3 ноября 1905 г. отмѣною выкупныхъ платежей, эта цѣль также легко достижима. Дѣйствительно, по существующимъ узаконеніямъ, съ момента уплаты выкупнаго долга, все наше крестьянство становится полнымъ собственникомъ состоящей въ его владѣніи надѣльной земли. Каждый членъ общины имѣетъ неотъемлемое право требовать себѣ выдѣла въ личную собственность причитающейся ему доли общинной земли. Этими выдѣленными участками крестьянинъ имѣетъ право распоряжаться въ полной мѣрѣ, т. е. продавать любому лицу, при чемъ

единственнымъ остающимся въ семъ отношенiи ограниченiемъ является законъ 1893 г., въ силу коего надѣльныя земли могутъ состоять во владѣнiи лишь лицъ крестьянскаго сословiя.

Не коснусь здѣсь вопроса о степени необходимости сохраненiя этого закона на будущее время, быть можетъ безполезнаго, такъ какъ преслѣдуемая имъ цѣль—воспрепятствованiе сосредоточенiю надѣльныхъ земель въ значительныхъ размѣрахъ во владѣнiи отдѣльныхъ лицъ,—едва ли не въ достаточной мѣрѣ достигается тѣми практическими затрудненiями, которыя при всякихъ условiяхъ препятствуютъ скупкѣ большаго количества мелкихъ сопредѣльныхъ участковъ однимъ лицомъ. Не коснусь его потому, что даже и при наличности этого закона кругъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ явиться покупателями надѣльныхъ земель, громаденъ. Можно даже полагать, что отмѣна закона 1893 г., т. е. предоставленiе лицамъ всѣхъ сословiй права покупать надѣльныя земли, едва-ли сколько-нибудь значительно увеличитъ число покупателей такихъ земель. На дѣлѣ мелкiе участки при всякихъ условiяхъ покупаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ земледѣльцами, т е. тѣми же крестьянами. Именно по этимъ основанiямъ ни сохраненiе закона 1893 г., ни отмѣна его, большого значенiя имѣть не можетъ.

Совершенно иное значенiе имѣетъ прiобрѣтаемое каждымъ крестьяниномъ съ погашенiемъ выкупнаго долга право продавать причитающуюся ему долю надѣльной земли. Именно въ этомъ правѣ кроется главная возможность улучшить бытъ малоземельныхъ сельскихъ обществъ. При его наличности усилится то естественное разслоенiе крестьянства, которое и нынѣ наблюдается повсемѣстно. Маломочные крестьяне продадутъ свои участки своимъ болѣе сильнымъ однообщественникамъ, сами же либо переселятся на окраины, въ азiатскую часть Имперiи, либо перейдутъ въ разрядъ батраковъ, либо, наконецъ, увеличатъ кадры фабричныхъ рабочихъ. По этому поводу мы не можемъ не сдѣлать выписки изъ весьма интереснаго изслѣдованiя А. Е. Воскресенскаго, подъ заглавiемъ „Общинное землевладѣнiе и крестьянское малоземелье“. Вотъ что говоритъ по этому предмету названный авторъ „Поли-

тика обезпеченія землею каждаго земледѣльца не можетъ продолжаться безконечно. Пространство земли не только въ каждомъ государствѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ ограниченно, и, при способности земледѣльческаго населенія къ безконечному размноженію, неизбѣжно должно настать такое время, когда лишней земли совсѣмъ не останется. Волей неволей тогда придется искать иного обезпеченія для прироста земледѣльческаго населенія. Ясно, что наша аграрная политика не разрѣшаетъ проблемы народонаселенія. Нѣтъ сомнѣнія, что должно быть иное, болѣе правильное рѣшеніе этой проблемы, и такое рѣшеніе давно уже найдено передовыми народами. Они доказали на дѣлѣ, что человѣкъ можетъ жить не отъ одной земли, и что поле производительнаго приложенія труда гораздо обширнѣе въ неземледѣльческихъ промыслахъ нежели въ земледѣліи. Во Франціи отъ земледѣлія кормится 46%, а отъ неземледѣльческихъ промысловъ 54% всего населенія государства; въ Германіи земледѣльческое населеніе составляетъ 35, 5%, а неземледѣльческое— 64, 5%; въ Англіи же неземледѣльческое населеніе достигаетъ 83%, а земледѣльческое составляетъ только 17%. Вотъ насколько больше мѣста для людей въ неземледѣльческихъ промыслахъ, нежели въ земледѣліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ на примѣрѣ передовыхъ націй, что съ развитіемъ неземледѣльческихъ промысловъ и въ самомъ земледѣліи открывается все больше и больше мѣста; самая-то земля дѣлается какъ-бы просторнѣе: нормальные размѣры землевладѣнія уменьшаются, ёмкость національной территоріи для землевладѣльческаго населенія увеличивается“.

„На томъ пути, по которому пошли Западно-Европейскіе народы, средства существованія могутъ увеличиваться безконечно. Чѣмъ культурнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе у него развиты разныя потребности, кромѣ потребности питанія; другими словами, чѣмъ культурнѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него расходъ на произведенія неземледѣльческихъ промысловъ и разныя услуги неземледѣльческаго населенія и тѣмъ меньше расходъ на продукты земледѣлія. Слѣдовательно, чѣмъ выше будетъ подниматься культура націи и чѣмъ шире она будетъ распространяться, тѣмъ больше будетъ націо-

нальный расходъ на произведенія неземледѣльческихъ промысловъ, или, что то-же, тѣмъ больше доходъ неземледѣльческихъ классовъ населенія, тѣмъ больше средствъ къ существованію въ неземледѣльческихъ промыслахъ, тѣмъ многочисленнѣе неземледѣльческое населеніе. Поэтому съ дальнѣйшимъ прогрессомъ отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества центръ тяжести будетъ все болѣе и болѣе переноситься съ земледѣлія на неземледѣльческіе промыслы. Земледѣліе будетъ оставаться основаніемъ всего экономическаго зданія, но основаніе это сдѣлается уже самаго зданія; экономическій строй все больше и больше будетъ утрачивать форму пирамиды, широкимъ основаніемъ которой у земледѣльческихъ народовъ служитъ земледѣліе".

„Однако, съ дальнѣйшимъ прогрессомъ значеніе земледѣлія, какъ источника средствъ къ существованію, будетъ уменьшаться только относительно, а не абсолютно; абсолютно значеніе его будетъ возрастать. Съ развитіемъ неземледѣльческихъ промысловъ, съ ростомъ неземледѣльческаго населенія, будетъ рости и производительность земледѣлія, т. е. и земледѣліе будетъ давать средство къ существованію все большему и большему количеству людей. Прогрессъ земледѣлія будетъ вызывать прогрессъ неземледѣльческихъ промысловъ, а прогрессъ неземледѣльческихъ промысловъ будетъ содѣйствовать дальнѣйшему прогрессу земледѣлія".

„Такъ создастся возможность безконечнаго прогресса и безконечнаго увеличенія средствъ къ существованію для безконечно растущаго населенія. Вотъ правильное рѣшеніе проблемы народонаселенія. Вотъ путь по которому нужно идти".

„Но если выйти на этотъ путь, то тогда уже нельзя смотрѣть на излишекъ земли у землевладѣльцевъ, какъ на что-то неправильное. У земледѣльческаго населенія и должно быть больше земли, чѣмъ сколько нужно ему для собственнаго прокормленія; вѣдь оно должно прокормить не только себя, но и неземледѣльческое населеніе".

Каждое слово въ приведенной цитатѣ непреложно. Достаточно намъ проникнуться истиной, въ ней заключающейся, и государственная помощь въ области

землеустройства сельскихъ обществъ ограничится содѣйствіемъ къ переходу въ ихъ владѣніе тѣхъ мелкихъ отрѣзковъ, клиньевъ и чрезполосныхъ съ ихъ землями участковъ, которые необходимы для округленія ихъ владѣній, необходимы для спокойнаго пользованія этими владѣніями и вслѣдствіе этого и нынѣ въ большинствѣ случаевъ состоятъ въ ихъ фактическомъ пользованіи, при чемъ, однако, крестьянамъ приходится не рѣдко платить за нихъ чрезмѣрно высокую аренду, даже превышающую ту непосредственную пользу, которую они извлекаютъ изъ ихъ обработки.

Далѣе обширнѣйшая задача предстоитъ государству въ дѣлѣ крестьянскаго землеустройства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а именно, въ дѣлѣ разселенія крупныхъ селъ на болѣе мелкія въ цѣляхъ приближенія пахатныхъ угодій къ усадебнымъ мѣстамъ, въ дѣлѣ упраздненія чрезполосности крестьянскихъ земель съ частновладѣльческими, въ особенности же въ развитіи хуторскаго хозяйства на отрубныхъ участкахъ—этого вѣнца мелкаго землевладѣнія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ представляющагося лишь идеаломъ, достижимымъ у насъ лишь въ отдаленномъ будущемъ.

Такимъ путемъ вопросъ о малоземельѣ падетъ самъ собой, а возникнетъ лишь вопросъ объ увеличеніи въ малоземельныхъ обществахъ участковъ одной части крестьянства за счетъ другой, либо наиболѣе склонной искать счастья въ переселеніи, либо наименѣе привязанной къ землѣ, наименѣе способной извлекать изъ нея тѣ выгоды, которыя она въ состояніи доставить.

Я предчувствую, что набросанная мною схема вызоветъ множество возраженій, вызоветъ неподдѣльное негодованіе и притомъ со стороны такихъ лицъ, мнѣнія которыхъ я привыкъ уважать. Мнѣ даже могутъ бросить упрекъ въ непослѣдовательности, въ измѣнчивости моихъ взглядовъ, указавъ, что я самъ весьма недавно былъ горячимъ сторонникомъ сохраненія закона о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, въ особенности же охраненія крестьянства отъ обезземеленія. Я въ этомъ и не отрекаюсь. Но то было до 17 октября 1905 года. Съ этого дня мы стали на тотъ путь, по которому шли всѣ государства Западной Европы. Тотъ государственный соціализмъ, которымъ въ теченіи долгаго періода

лѣтъ проникнуты были многія начинанія нашей законодательной власти, а въ еще большей степени многія изъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ въ порядкѣ управленія, долженъ уступить мѣсто предоставленію широкаго простора самодѣятельности и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ. Мы должны отказаться нынѣ отъ мысли равномѣрно поднять благосостояніе всей массы населенія, но за то обязаны облегчить отдѣльнымъ лицамъ возможность развить всѣ свои природныя способности и тѣмъ увеличить свои матеріальные достатки. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то несомнѣнно лишь тѣми же способами, которыми со временемъ несомнѣнно станутъ на этотъ путь народы Западной Европы, а именно послѣ высокаго культурнаго развитія преобладающаго большинства всего населенія. Такое развитіе само-собою приведетъ къ организаціи сообществъ на кооперативныхъ началахъ. Въ настоящее время наша сельская община вынуждена въ своихъ сельскохозяйственныхъ пріемахъ равняться по наименѣе культурной ея части, такъ какъ эта часть составляетъ преобладающее ея большинство, лица же, способныя по степени ихъ общаго развитія перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ полеводства представляютъ исключеніе. Но въ будущихъ человѣческихъ сообществахъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ людей съ высокимъ культурнымъ уровнемъ, тѣ лица, которыя культурно останутся позади массы населенія, по самой своей малочисленности, уже не будутъ служить тормазомъ для широкаго примѣненія во всѣхъ отросляхъ труда кооперативнаго начала. Но, повторяю, это дѣло далекаго, весьма далекаго будущаго. Въ настоящее время мы можемъ его лишь теоретически предвидѣть, но едва ли въ состояніи предпринять какія либо практическія мѣры для осуществленія того идеальнаго строя, который оно намъ сулитъ. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи хотя бы, напримѣръ, у насъ, безусловно не увѣнчались успѣхомъ. Тотъ государственный соціализмъ, который мы преслѣдовали, та опека, которую мы установили надъ массою населенія, въ цѣляхъ поддержанія ея хозяйственнаго быта и обереганія ея отдѣльныхъ членовъ отъ перехода въ разрядъ пролетарныхъ рабочихъ, на дѣлѣ превратились

отчасти въ административный произволъ, а въ еще болѣе значительной степени въ препону для повышенія благосостоянія наиболѣе предпріимчивой части населенія. Въ надеждѣ обезпечить каждаго хотя бы малой долей земельнаго имущества, мы обрекли всѣхъ на нищету и недоѣданіе, причемъ не достигли и первой цѣли, такъ какъ число безземельныхъ съ каждымъ годомъ все возростало. Пора отказаться отъ этого образа дѣйствій и смѣло пойти по пути предоставленія отдѣльной личности возможности взять отъ жизни все, что она можетъ дать, лишь бы не нарушались тѣ основные законы, которые лежатъ въ основѣ всего современнаго общественнаго строя, — неприкосновенность жизни и имущества отдѣльныхъ гражданъ, а не тѣ искусственныя установленныя закономъ препятствія къ сему.

Но независимо отъ тѣхъ законовъ, которые искусственно задерживали у насъ развитіе народныхъ массъ и препятствовали наиболѣе дѣятельной части населенія выдвинуться изъ ихъ среды, существуетъ въ русской крестьянской жизни еще одно явленіе, происхожденіе котораго отнюдь нельзя приписать какимъ-либо правительственнымъ мѣропріятіямъ и даже господствовавшему у насъ доселѣ государственному строю. Явленіе это наша земельная община, несомнѣнно являющаяся наиболѣе сильнымъ тормазомъ къ поднятію производительности нашихъ надѣльныхъ земель. Какая бы доля этихъ земель не превратилась во владѣнія средней величины посредствомъ скупки участковъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ крестьянамъ однимъ лицомъ, экономически болѣе сильнымъ, все же площадь собственно мелкаго землевладѣнія останется у насъ весьма значительною. Да и было бы несомнѣнно народнымъ бѣдствіемъ сильное сокращеніе площади мелкаго землевладѣнія. Я уже указывалъ выше на значеніе мелкаго землевладѣнія въ общемъ аграрномъ и соціальномъ строѣ, указывалъ на необходимость сохраненія правильнаго соотношенія между мелкимъ, среднимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Мелкое землевладѣніе, разумѣется, должно существовать, причемъ, силою вещей, оно въ общемъ займетъ у насъ при всякихъ условіяхъ значительную долю общей территоріи страны. Слѣдовательно, необходимо принять мѣры къ поднятію производительности земли, состоящей

въ этой категоріи владѣній. Хотя категорія эта и представляетъ для сего наименѣе благопріятныя условія, но однако несомнѣнно, что повышеніе плодородности этихъ земель по сравненію съ нынѣшнимъ ея уровнемъ, безусловно достижимо и притомъ въ значительной степени. Но непреодолимымъ въ этомъ направленіи тормазомъ служитъ земельная община.

Русской земельной общиной, какъ извѣстно, признается такая форма владѣнія землею, при которой юридическимъ собственникомъ земли являются не отдѣльныя лица, не отдѣльные члены крестьянскаго общества, а послѣднее, взятое въ совокупности. Наиболѣе яркимъ признакомъ этого способа землевладѣнія признается уравнительное распредѣленіе земли между отдѣльными членами общины. Уравнительность эта достигается и поддерживается періодическими передѣлами земли между отдѣльными крестьянскими дворами въ соотвѣтствіи съ происшедшими за истекшій періодъ измѣненіями въ составѣ этихъ дворовъ. По понятію сторонниковъ общины, именно эта ея особетвенность и отвѣчаетъ всему укладу жизни русскаго крестьянства, причемъ въ ней же состоитъ и незамѣнимое ея преимущество.

Ни одно изъ явленій русской жизни не вызывало у насъ такого безконечнаго количества споровъ, какъ земельная община. Люди безусловно единомышленныя по ихъ пониманію другихъ важнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ проблемъ, по этому вопросу рѣзко расходились, да и продолжаютъ расходиться, между собой. Такъ, съ одной стороны общину всемѣрно отстаиваютъ лица, съ наиболѣе консервативными взглядами; одновременно ее же восхваляютъ приверженцы соціалистическихъ теорій. Послѣдніе не безъ основанія видятъ въ общинѣ зачатокъ будущаго коммунистическаго строя, видятъ въ ней отрицаніе права частной собственности, по крайней мѣрѣ, на землю. Наоборотъ,

консерваторы въ теченіе долгаго времени усматривали въ общинномъ землевладѣніи наиболѣе дѣйствительный способъ обезпеченія фискальныхъ интересовъ государства, въ особенности же видѣли въ немъ средство противъ возникновенія безземельнаго рабочаго пролетаріата,—этой самой безпокойной, самой опасной для государства части населенія, всегда готовой насильственно разрушить существующій общественный строй. Одновременно другая часть приверженцевъ, существовавшаго у насъ въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій византійскаго самодержавно-бюрократическаго правленія, наравнѣ съ людьми, стремящимися къ водворенію у насъ конституціоннаго строя во всей той его полнотѣ, въ которой онъ существуетъ въ наиболѣе передовыхъ государствахъ Западной Европы, видитъ въ общинѣ неисчислимые недостатки. Первые находятъ, что въ общинѣ неизмѣнно существуетъ и приводитъ къ все большему въ ея средѣ броженію ферментъ разложенія всякаго общественнаго строя, а тѣмъ самымъ нисспроверженія строя, существующаго въ данное время въ государствѣ. Вторые полагаютъ, что община составляетъ сильнѣйшій тормазъ для проявленія личной инициативы отдѣльныхъ людей и слѣдовательно для всякаго прогресса, двигателемъ котораго неизмѣнно является не масса, силою вещей рутинная, а отдѣльныя, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ своей среды, личности.

Однако, нѣтъ сомнѣнія, что приверженцы общины съ одной стороны и враги ея съ другой, сколь бы ни были различны ихъ отношенія къ существующему политическому государственному строю, въ одномъ безусловно сходятся между собой, хотя быть можетъ далеко не всегда вполнѣ сознательно. Первые—сторонники общины — несомнѣнно коллективисты, вторые—противники общины—индивидуалисты. Дѣйствительно, вопросъ объ общинѣ искусственно сплели съ вопросами свойства политическаго. Между тѣмъ въ основѣ своей,—это вопросъ исключительно экономическій. Утверждая это, я отнюдь не упускаю изъ виду того неоспоримого положенія, что всякій сколько нибудь прочный политическій строй является неизмѣннымъ логическимъ послѣдствіемъ господствующаго въ странѣ строя экономическаго. Но вопросъ именно въ томъ и состоитъ,

что не экономическій строй зависитъ отъ политическаго, а наоборотъ и, что слѣдовательно нельзя по политическимъ соображеніямъ, а тѣмъ болѣе какими-либо нормами права насадить тотъ или иной экономическій строй. Народное хозяйство,—формы народнаго труда,—хотя и могутъ быть до извѣстной степени насаждаемы властью государственной, но это насажденіе, коль скоро оно хотя бы въ малой степени искусственное, недолговѣчно и неизмѣнно ведетъ не къ благосостоянію населенія, а къ его обнищанію. Прочный же экономическій укладъ страны зависитъ отъ присущихъ ей органическихъ условій, находящихся внѣ людской власти, отъ ея климатическихъ, топографическихъ и геологическихъ особенностей, отъ выработавшихся на почвѣ этихъ особенностей племенныхъ признаковъ населяющаго страну народа и степени его культурности.

И вотъ пока сторонники и противники общины вели свой нескончаемый споръ, споръ, въ которомъ, въ порядкѣ установленія тѣхъ или иныхъ законодательныхъ нормъ, принимала участіе и государственная власть, причемъ съ присущимъ каждой государственной власти консерватизмомъ, скорѣе склонялась на точку зрѣнія сторонниковъ общины, какъ явленія существующаго, жизнь творила свое дѣло и незамѣтно, но властно фактически упраздняла общину. Для подтвержденія этого факта достаточно указать, что по свѣдѣніямъ, относящимся къ 1904 году, невступно половина всѣхъ земельныхъ общинъ въ Россіи, не считая тѣхъ селеній, которыя владѣютъ землей на подворно-участковомъ правѣ, не производили передѣловъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Словомъ, если юридически по буквѣ закона принадлежность земли не отдѣльнымъ крестьянамъ, а цѣлому обществу признается нынѣ во всѣхъ селеніяхъ, владѣющихъ землей на общинномъ правѣ, то на дѣлѣ это безусловно не такъ. По отношенію къ весьма многимъ обществамъ, общинное землевладѣніе является фикціей, искусственно поддерживаемой закономъ, не допускающимъ продажи отдѣльными крестьянами состоящей въ ихъ пользованіи доли общинной надѣльной земли. Надо, однако, замѣтить, что всесокрушающая жизнь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обходитъ этотъ законъ, обходитъ это препятствіе: сдѣлки о пе-

реходѣ общинной земли между отдѣльными крестьянами, и даже не исключительно между однообщественниками съ каждымъ годомъ учащаются. Послѣдовавшая отмѣна выкупныхъ платежей, какъ я уже указалъ, окончательно снимаетъ всякія юридическія путы въ этомъ отношеніи. Съ окончаніемъ выкупной операціи переходъ отдѣльныхъ участковъ надѣльной земли между крестьянами, въ порядкѣ купли-продажи, юридически несомнѣнно возможенъ, а это сразу повышаетъ рыночную стоимость надѣльныхъ земель до уровня цѣнъ на землю, состоящую въ личномъ владѣніи. Встрѣчающіяся на этомъ пути формальныя препятствія, конечно, будутъ устранены и притомъ, надо надѣяться, въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, одна изъ важнѣйшихъ особенностей общиннаго землепользованія—насильственное удержаніе въ составѣ общины отдѣльныхъ ея членовъ или вѣрнѣе возможность покинуть общину лишь при условіи даровой уступки обществу, состоящей въ пользованіи выходящаго крестьянина доли надѣльной земли, юридически уже отпало съ изданіемъ манифеста 3 ноября 1905 года и тѣмъ самымъ разрушено стремленіе сторонниковъ общины насильственно прикрѣпить все крестьянство къ землѣ, стремленіе, основанное на томъ соображеніи, что лишь такое принудительное владѣніе землей можетъ обезпечить страну отъ возникновенія въ ней рабочаго пролетаріата.

Впрочемъ мечту общинниковъ объ избавленіи страны при помощи общины отъ безземельнаго пролетаріата давно уже разбила сама жизнь. Такой пролетаріатъ не только народился у насъ, не только продолжаетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться, но, какъ оказывается, нарождается въ большемъ размѣрѣ въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ нежели въ губерніяхъ съ подворно-участковымъ владѣніемъ. Процентъ безземельнаго населенія въ губерніяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ достигаетъ 23,7, а въ 12 губерніяхъ, въ коихъ надѣльныя земли находятся въ личномъ владѣніи крестьянъ, составляетъ только 20,6%. Наряду съ этимъ выясняется и другое любопытное явленіе, а именно, что подворно-участковое владѣніе въ большей степени содѣйствуетъ сохраненію за крестьяниномъ его усадебной осѣдлости послѣ потери

имъ полевыхъ угодій, нежели общинное. Процентъ безземельныхъ дворовъ, сохранившихъ усадьбы, въ губерніяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ достигаетъ 14%, превышая вдвое количество такихъ же дворовъ въ губерніяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ, гдѣ они составляютъ около 7% всѣхъ дворовъ.

Словомъ, повторяю, пока теоретики ломали копья за общину и доказывали, что она является неотъемлемой особенностью русскаго народа, пока государственная власть принимала рядъ мѣръ къ искусственному сохраненію общины, къ всемѣрному ея удержанію отъ разложенія, жизнь съ неуклонной послѣдовательностью доказывала, что община явленіе преходящее. Присущая рѣшительно всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія, эта форма землевладѣнія неизмѣнно переходитъ въ иныя формы съ исчезновеніемъ тѣхъ условій, которыя вызвали ея возникновеніе и допускали ея сохраненіе. Наши наиболѣе талантливые и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе горячіе защитники общины вполнѣ это сознавали. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и виднѣйшій дѣятель реформы 19 февраля 1861 года Ю. Ф. Самаринъ. Мысли свои по этому предмету онъ высказалъ въ перепискѣ съ противникомъ общины А. И. Кошелевымъ, причемъ развивалъ ихъ и въ печати. Такъ еще въ 1858 году, Самаринъ писалъ: „По мѣрѣ того какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствіе даровыхъ силъ природы, увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ земли, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія. Между тѣмъ, очевидно, что совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда, капитала, и что причины, заставившія нашихъ помѣщиковъ отказаться въ среднихъ губерніяхъ отъ ежегодныхъ передѣловъ, еще недавно повсемѣстно существовавшихъ, и ввести продолжительные сроки пользованія пашней, потребуютъ со временемъ совершеннаго прекращенія передѣловъ. Допущеніе ихъ черезъ долгіе или опредѣленные сроки есть только переходный моментъ на пути къ этому результату,—моментъ, на которомъ нельзя удержаться, ибо трудность не побѣждена, а только отсрочена".

Наряду съ этимъ оправдались въ извѣстной степени

и опасенія противниковъ общины, состоявшія въ томъ, что эта форма землепользованія препятствуетъ укорененію въ народномъ сознаніи понятія о неприкосновенности чужой земли. Дѣйствительно, какъ было развиться въ народныхъ массахъ этому пониманію, если до сихъ поръ существуютъ лица, научно образованныя, которыя утверждаютъ, что земли общиннаго владѣнія составляютъ не собственность крестьянскихъ обществъ, а состоятъ лишь въ ихъ пользованіи. Даже произведенные за землю выкупные платежи они не признаютъ достаточнымъ основаніемъ для признанія крестьянъ полноправными владѣльцами этихъ земель, утверждая, что выкупъ установленъ былъ не за землю, а за тѣ повинности, которыя обязаны были нести крестьяне въ пользу помѣщика или государства. При такихъ условіяхъ нечего удивляться, что у крестьянъ отсутствуетъ понятіе о правѣ собственности. Ему поистинѣ неоткуда было взяться. Правительство отобрало у помѣщиковъ часть ихъ земель, но отобрало лишь въ такомъ размѣрѣ, которое соотвѣтствовало дѣйствительной потребности въ землѣ у крестьянъ; одновременно правительство передало эти земли не въ собственность крестьянъ, а только въ ихъ пользованіе, причемъ предоставило имъ распредѣлять ихъ между собою на одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ, т. е. въ мѣрѣ дѣйствительной въ нихъ надобности. Съ теченіемъ времени населеніе увеличилось и на прежнихъ надѣлахъ стало тѣсно. Потребность крестьянъ въ землѣ удовлетворяется не въ полной мѣрѣ. Понятно, что крестьянинъ опять возлагаетъ всѣ надежды на правительство и убѣжденъ, что оно вновь надѣлитъ его землею въ необходимомъ для удовлетворенія его насущныхъ потребностей количествѣ.

Обстоятельство это, въ моихъ глазахъ, служитъ непреложнымъ доказательствомъ необходимости воспретить передѣлы земли въ такихъ общинахъ, въ коихъ они въ теченіе долгаго времени не производились. Въ подобныхъ общинахъ земельныя владѣнія отдѣльныхъ семей, такъ сказать, уже кристаллизировались и допущеніе въ нихъ передѣловъ равносильно разрушенію только что народившагося у членовъ общины понятія о правѣ собственности. Неужели мы можемъ созна-

тельно идти по пути соціальной революціи? Въ виду этого мнѣ представляется необходимымъ установить, что во всѣхъ тѣхъ обществахъ, въ коихъ не было передѣловъ за послѣдніе 20 лѣтъ, т. е. въ теченіе двухъ земскихъ давностей, передѣлы впредь происходить не могутъ; иначе говоря, слѣдуетъ признать, что общества эти владѣютъ надѣльной землей не на общинномъ, а на подворно-участковомъ правѣ.

Но это лишь одна сторона вопроса и при томъ та, которая разрѣшается наиболѣе просто. Дѣйствительно, если общинное землевладѣніе, выражающееся, главнымъ образомъ, въ періодическихъ передѣлахъ земли, и нынѣ охватываетъ далеко не большую часть надѣльныхъ земель, причемъ обнаруживаетъ явную склонность къ полному уничтоженію, то есть другой видъ общины, а именно общинное землепользованіе, который господствуетъ до сихъ поръ рѣшительно на всѣхъ крестьянскихъ земляхъ, какъ на общинныхъ въ оффиціальномъ смыслѣ этого слова, такъ и на подворно - участковыхъ земляхъ какъ на надѣльныхъ, такъ и на внѣнадѣльныхъ. Я разумѣю здѣсь подъ словами „общинное землепользованіе“ такой порядокъ распоряженія землей, при которомъ владѣлецъ не является вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ земли, а зависитъ въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ отъ воли общества, причемъ эта зависимость выражается прежде всего и въ особенности въ принудительномъ сѣвооборотѣ, въ необходимости производить всѣ главныя полевыя работы, какъ-то: пахоту, сѣвъ и свозку урожая—одновременно со всѣмъ обществомъ ради предоставленія пара и жнивья подъ выпасъ скота; словомъ,—то общинное землепользованіе, главнымъ внѣшнимъ признакомъ коего является отсутствіе у хозяина права или возможности огородить свои земли отъ остальныхъ земель общества. Вотъ эта форма общины существуетъ на всѣхъ безъ изъятія крестьянскихъ земляхъ: разницы между подворно-участковымъ и общиннымъ строемъ въ этомъ отношеніи безусловно нѣтъ, причемъ не проявляется, къ сожалѣнію, никакихъ признаковъ, указывающихъ на близость перехода крестьянъ отъ этого способа землепользованія къ другимъ, болѣе совершеннымъ. Между тѣмъ упраздненіе общиннаго землевладѣнія при сохраненіи общиннаго

землепользованія не повыситъ культуру крестьянскихъ земель, не обезпечитъ болѣе предпріимчивымъ и развитымъ, нежели общая ихъ масса, крестьянамъ возможности приложить къ землѣ присущія имъ индивидуальныя силы и способности, не освободитъ ихъ въ достаточной степени отъ зависимости отъ міра. Такимъ образомъ главное препятствіе на пути увеличенія благосостоянія сельскаго населенія останется въ полной мѣрѣ. Разрѣшеніе выселяться крестьянамъ, составляющимъ опредѣленную долю общаго числа членовъ общества, въ отдѣльные выселки этому также не будетъ содѣйствовать: на новыхъ выселкахъ будетъ по прежнему господствовать все то же общинное землепользованіе. Наконецъ, сколь ни важно устраненіе чрезполосности, дробности, длинноземелія—все это ничто по сравненію съ главнымъ тормазомъ къ усиленію производительности земель—общиннымъ землепользованіемъ.

Исторія насъ учитъ, что нигдѣ община не сочеталась съ сельскохозяйственной культурой, съ умѣлымъ использованіемъ силъ почвы. Да иначе и быть не можетъ. Въ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего какъ исторія происхожденія общины, такъ и та ея особенность, которая сохранилась безусловно повсемѣстно у насъ, и съ упраздненіемъ которой община перестанетъ существовать.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на происхожденіе общины не только у насъ, но и у всѣхъ народовъ, младенчество коихъ занесено на страницы исторіи, дабы убѣдиться, что община для своего возникновенія и существованія требуетъ наличности особыхъ условій. Въ моментъ ея возникновенія она требуетъ необъятную ширь земельныхъ пространствъ, требуетъ наличности того, никому не принадлежащаго имущества, которое въ силу принципа, установленнаго римскимъ правомъ, уступается первому его занявшему. Извѣстная фраза Тацита въ его Анналахъ, вызывавшая въ теченіе столь долгаго времени споры о ея истинномъ значеніи и смыслъ которой былъ раскрытъ лишь въ началѣ XIX вѣка знаменитымъ историкомъ Нибуромъ „arva per annos mutant et superest ager“ (ежегодно перемѣщаютъ поля и все же остается (свободное) поле) вполнѣ исчерпываетъ тѣ условія, при которыхъ первоначально можетъ воз-

никнуть земельная община. Свободной земли такое обиліе, что передѣлы ея происходятъ исключительно ради обновленія истощенной почвы на либо отдохнувшую, либо совершенно дѣвственную. Словомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ переложнымъ хозяйствомъ. Затѣмъ, по мѣрѣ возникновенія земельной тѣсноты, т. е. по мѣрѣ захвата всѣхъ свободныхъ земельныхъ пространствъ новыми народившимися поколѣніями, община приступаетъ къ передѣлу уже въ другихъ цѣляхъ, а именно въ цѣляхъ уравненія земельныхъ долей отдѣльныхъ семействъ, въ виду различной степени ихъ размноженія. Однако эта форма общины можетъ существовать лишь непродолжительное время, а именно пока въ распоряженіи общины имѣется значительное количество земли и притомъ пока эта земля не имѣетъ большой цѣнности. Можно даже утверждать, что при такомъ положеніи уравнительные передѣлы происходятъ не въ цѣляхъ уравненія правъ и выгодъ отдѣльныхъ членовъ общины, а ради равномѣрнаго распредѣленія связанныхъ съ пользованіемъ землею общественныхъ и государственныхъ повинностей. Словомъ тутъ дѣйствуетъ столь извѣстное у насъ тягловое начало. Съ исчезновеніемъ этого условія въ болѣе или менѣе короткій срокъ прекращаются передѣлы общинной земли, но община не разрушается еще окончательно. У нея сохраняется еще въ теченіе довольно продолжительнаго срока другой связующій членовъ общины цементъ, а именно наличность въ ея распоряженіи такого рода земельныхъ угодій, произведеніями которыхъ община пользуется безъ приложенія къ нимъ какого-либо труда. Но здѣсь въ основѣ общины лежитъ уже не общее владѣніе находящимися въ ея распоряженіи землями, а лишь совокупное использованіе самородныхъ продуктовъ этихъ земель. Вотъ именно на этой то основѣ,— на использованіи самородныхъ продуктовъ почвы— прочно держится у насъ общинное землепользованіе понынѣ.

Дѣйствительно, то, что земля сама, безъ какого либо участія человѣка, родитъ, то, очевидно, не принадлежитъ отдѣльному лицу, а вообще роду людскому, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ права собственности на землю лежитъ трудъ, затраченный человѣкомъ

на ея обработку (безразлично трудъ ли самого владѣльца или тѣхъ лицъ, которыя ему его уступили за опредѣленное вознагражденіе). Если въ современныхъ человѣческихъ обществахъ право на землю и признается до затраты этого труда, то исключительно, однако, въ предвидѣніи таковаго. Вотъ именно на этой основѣ, на основѣ принадлежности каждому въ равной мѣрѣ почвы и ея самородныхъ продуктовъ, и возникла въ историческомъ прошломъ не только нашего, а всѣхъ народовъ земельная община. Люди собирались воедино, притомъ, въ большинствѣ случаевъ, люди, связанные родовыми узами, для совмѣстной защиты отъ различныхъ внѣшнихъ опастностей, для совмѣстной борьбы съ природою, выражавшейся между прочимъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ разсчисткою лѣса, но отнюдь не для совмѣстной обработки земли и совмѣстнаго использованія результатовъ своего труда. Наоборотъ, каждый изъ общинниковъ, вполнѣ самостоятельно, въ полной мѣрѣ своихъ личныхъ потребностей, удовлетворялся самородными продуктами почвы. Словомъ въ основѣ земельной общины лежитъ не обработка почвы, не усиленное извлеченіе пользы изъ ея природныхъ силъ, а лишь использованіе ея естественнаго плодородія,—ея самородныхъ продуктовъ, *не коллективное производство*, а *совмѣстное потребленіе.* Въ зависимости отъ этого община, въ ея чистомъ видѣ, въ ея наиболѣе полномъ выраженіи, при которомъ рѣшительно все, принадлежащее общинѣ, одновременно является и достояніемъ каждаго изъ ея членовъ, существовало лишь въ то время, когда между человѣкомъ и природою не была еще нарушена первобытная гармонія,—гармонія, выражавшаяся въ томъ, что человѣкъ требовалъ отъ природы лишь то, что было ему необходимо для удовлетворенія его чисто животныхъ потребностей: пища, одежда, даже кровъ, все это давала сама природа изъ царства растительнаго, либо изъ царства животнаго. Но, по мѣрѣ того, какъ у людей нарождались новыя потребности,—потребности въ такого рода предметахъ, для созданія коихъ необходимъ человѣческій трудъ, люди принуждены были выдѣлить изъ себя нѣкоторую часть, посвящающую все свое время какимъ либо спеціальнымъ занятіямъ и, слѣдовательно, лишенную возможности лично добывать изъ

земли, этой единственной кормилицы рода людского, пищевые продукты. Въ подобной спеціализаціи занятій каждаго въ извѣстной все тѣснѣе замыкающейся сферѣ и состоитъ весь процессъ образованія культурныхъ обществъ.

И вотъ чѣмъ большая доля даннаго народа открывается отъ непосредственнаго добыванія себѣ пищевыхъ продуктовъ, тѣмъ большее количество таковыхъ принуждены взять отъ природы люди, остающіеся при землѣ. При такихъ условіяхъ полученіе плодовъ земныхъ изъ занятія простѣйшаго—ибо что можетъ быть проще сбора самородныхъ продуктовъ почвы—понемногу превращается въ занятіе труднѣйшее. Оно прежде всего требуетъ усиленнаго труда, который одинъ самъ по себѣ скоро также становится недостаточнымъ и въ подмогу ему являются два новые фактора, представляющіе сами ничто иное, какъ накопленный трудъ прежнихъ поколѣній—знаніе и капиталъ. Но, коль скоро человѣкъ прилагаетъ свой трудъ къ землѣ, онъ тотчасъ же простираетъ на нее и право не коллективной, а личной собственности. И дѣйствительно, въ постепенномъ измѣненіи общины, въ постепенной ея эволюціи отъ общей къ индивидуальной собственности это усматривается вполнѣ ясно. Прежде всего отдѣльной собственностью становится жилище, на созданіе котораго приложенъ хотя бы нѣкоторый трудъ (жилища естественныя, напримѣръ, пещеры—не личная собственность). Засимъ собственностью, но лишь собственностью временною, становится обработанная почва, пока она не дала результатовъ труда — урожая. Далѣе собственностью уже постоянною становится почва, подготовленная долголѣтнимъ трудомъ для требующихъ сего особыхъ культуръ—огороды, сады, виноградники. Наконецъ послѣдними становятся личной собственностью лѣса и естественнные сѣнокосы, такъ какъ ихъ самородными продуктами люди могутъ довольствоваться при значительномъ развитіи своихъ потребностей и при высокомъ уровнѣ своей общей культурности.

Въ какомъ же періодѣ своего постепеннаго разложенія, своей постепенной эволюціи находится наше община? Она уже выдѣлила въ личную собственность усадьбы со всѣми садами и огородами, причемъ выдѣлила

ихъ уже давно. Столь же давно выдѣлила она во временную собственность обрабатываемыя поля, до снятія съ нихъ урожая. Но на этомъ она остановилась и какъ бы застыла. Какая же причина этой неподвижности общины нынѣ? Думается мнѣ, что причина эта весьма прозаическаго свойства. Нашъ крестьянинъ, да и не онъ одинъ, а большинство всѣхъ нашихъ землевладѣльцевъ, давно освоившись съ мыслью о необходимости обрабатывать почву для добыванія продуктовъ, нужныхъ для питанія человѣка, доселѣ не прониклись сознаніемъ, что то же самое, при современныхъ условіяхъ жизни, неизбѣжно и для прокормленія скота,—этого неизмѣннаго спутника земледѣлія. Они все еще стремятся прокормить скотъ исключительно самородными продуктами почвы. На этомъ то и основанъ выпасъ скота на поляхъ всей общины, по снятіи съ нихъ урожая, существованіе коего одно препятствуетъ переходу общиннаго землепользованія (не землевладѣнія, а землепользованія) въ обособленное, личное. Коль скоро народъ проникнется сознаніемъ необходимости кормить скотъ не самородными продуктами почвы, а воздѣланными трудомъ человѣка произрастеніями земли—община, какъ форма землепользованія, исчезнетъ и исчезнетъ безвозвратно.

Все изложенное я привелъ къ тому, чтобы выяснить, что общинное землепользованіе основано отнюдь не на особенностяхъ русскаго народа, что оно просто первобытный способъ использованія земельныхъ богатствъ; одновременно я стремился выяснить, что община не допускаетъ культурнаго земледѣлія, что это противорѣчитъ ея существу, что *культура и община—два понятія, взаимно другъ друга исключающія.*

По извѣстному выраженію англійскаго экономиста XVII вѣка Petty трудъ—отецъ производства, а земля—его мать. Общинное землепользованіе основано на стремленіи воспользоваться плодами матери-земли безъ предварительнаго ея оплодотвореніи трудомъ—отцомъ. Такое требованіе, по меньшей мѣрѣ, не естественно.

Борьба съ общиной при такихъ условіяхъ является государственной необходимостью. Вселить въ земледѣльческомъ населеніи сознаніе, что только усиленнымъ приложеніемъ труда къ почвѣ оно можетъ добыть себѣ достаточныя средства къ существованію—вотъ важнѣй-

шая современная задача государства. Лица, убаюкивающія народъ обѣщаніями поднять его благосостояніе посредствомъ увеличенія площади его землевладѣнія, либо сознательно обманываютъ народъ, либо сами находятся на той младенческой ступени умственнаго развитія, на коей къ прискорбію до сихъ поръ пребываютъ наши народныя массы.

Постараюсь свести набросанныя мною отрывочныя мысли по аграрному вопросу къ нѣсколько болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, какъ мѣра политическая, направленная къ успокоенію крестьянскаго населенія, на практикѣ достигнетъ лишь противоположныхъ результатовъ, а какъ мѣра экономическая, силою вещей, приведетъ къ полному уничтоженію крупной и средней земельной собственности, и тѣмъ самымъ къ уничтоженію сельской культуры, къ банкротству государства, къ огульной нищетѣ сельскихъ крестьянскихъ массъ.

2) Единственнымъ способомъ подъема благосостоянія сельскаго населенія является усиленіе производительности нашихъ земель. Приведя къ увеличенію богатства страны вообще, оно тѣмъ самымъ повыситъ и матеріальную обезпеченность народныхъ массъ, безразлично какъ сельскихъ, такъ и городскихъ.

3) Средствомъ къ повышенію производительности земель должны служить въ первую очередь мѣры, направленныя къ болѣе соразмѣрному взаимоотношенію трехъ категорій земельныхъ владѣній—мелкихъ, среднихъ и крупныхъ.

4) Основнымъ недостаткомъ нашего аграрнаго строя является отсутствіе у насъ владѣній средней величины,

собственники коихъ обрабатывая свои земли при помощи наемнаго труда, сами принимаютъ непосредственное участіе въ полевыхъ работахъ. Недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе существенъ, что именно владѣнія средней величины представляютъ наибольшія удобства для веденія интенсивной сельскохозяйственной культуры. Наряду съ этимъ, у насъ, до сихъ поръ, значительная часть территоріи страны распредѣлена на владѣнія, по своимъ размѣрамъ имѣющія характеръ латифундій. Большинство владѣній этой категоріи не эксплоатируется съ должной интенсивностью. Увеличить общій размѣръ владѣній средней величины за счетъ латифундій,—вотъ къ чему мы должны, главнымъ образомъ, стремиться. Наиболѣе дѣйствительнымъ для сего средствомъ было бы установленіе умѣреннаго прогрессивнаго поземельнаго налога, взимаемаго преимущественно съ тѣхъ владѣній, которыя изъ разряда крупныхъ переходятъ въ латифундіарныя.

5) Для повышенія урожайности крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ первую очередь должно быть поставлено содѣйствіе къ разселенію крупныхъ селъ на болѣе мелкіе поселки, а также къ устраненію черезполосицы и длинноземелья. Въ тѣхъ же видахъ необходимо воспретить передѣлы въ общинахъ, не производившихъ таковыхъ въ теченіе продолжительнаго времени.

6) Предоставленіе каждому члену общины выдѣлить въ свою частную собственность состоящій въ его пользованіи участокъ надѣльной земли и облегченіе порядка совершенія продажныхъ сдѣлокъ между крестьянами о принадлежащихъ имъ на правѣ собственности надѣльныхъ земляхъ вотъ главное и самое могущественное средство къ исчезновенію самаго вопроса о малоземельи. На его мѣсто станетъ другой вопросъ—обезпеченіе населенія работой—вопросъ крайне трудный, но все же разрѣшимый, тогда какъ обезпеченіе каждаго земельнымъ участкомъ, достаточнымъ для поглощенія всей его рабочей силы, безусловно неосуществимо.

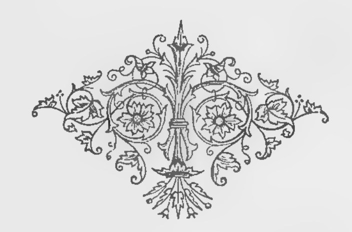
Само собою разумѣется, что изложеннымъ отнюдь не исчерпывается все что необходимо предпринять въ области земельныхъ отношеній вообще и земледѣлія въ частности. Ограничусь здѣсь лишь простымъ упоминаніемъ

о главнѣйшихъ, вовсе неразсмотрѣнныхъ мною вопросовъ. Первый изъ нихъ, — упорядоченіе арендныхъ отношеній между собственниками земли и арендаторами. Предоставить арендатору возможность возобновлять договоръ о съемѣ земли на справедливыхъ условіяхъ, а также обезпечить ему возмѣщеніе всѣхъ произведенныхъ имъ на арендуемой землѣ капитальныхъ улучшеній, — вотъ что въ особенности необходимо въ этой области земельныхъ отношеній. Наконецъ утверждая, что главнымъ залогомъ преуспѣянія сельскаго хозяйства является насажденіе у насъ класса среднихъ землевладѣльцевъ, я при этомъ, однако, отнюдь не отвергаю что въ отдѣльныхъ случаяхъ необходимо всемѣрно помочь малоземельнымъ крестьянамъ увеличить площадь ихъ землевладѣнія. Изъ общаго количества 12 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи одинъ милліонъ владѣетъ лишь усадебными участками, а около полумилліона владѣетъ менѣе нежели пятью десятинами земли. Если допустить, что половина этихъ дворовъ не пристроилась къ какой либо другой неземледѣльческой отрасли труда и что слѣдовательно для нея вопросъ объ увеличеніи площади землепользованія является вопросомъ существованія, то окажется, что настоятельно нуждаются въ землѣ около 750 тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Въ дѣйствительности количество это, по всей вѣроятности, значительно меньше, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что земледѣліе лишь въ 26 губерніяхъ Европейской Россіи служитъ главнымъ источникомъ средствъ къ существованію нашего крестьянства. Между тѣмъ если для увеличенія площади землевладѣнія означенныхъ дворовъ положить въ среднемъ по десяти десятинъ на каждый, то и въ такомъ случаѣ для этой цѣли понадобится всего лишь $7^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Это количество земли легко можетъ быть предоставлено дѣйствительно малоземельнымъ крестьянамъ отчасти изъ общей площади государственныхъ земель, отчасти изъ земель частновладѣльческихъ, путемъ пріобрѣтенія ихъ при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка. Не могу однако не повторить, что вопросъ не въ этихъ малоземельныхъ крестьянахъ, едва составляющихъ $^1/_{10}$ часть всего земельнаго крестьянства. Главный вопросъ — повышеніе благосостоянія

остальныхъ 90%, а это можетъ быть достигнуто лишь при условіи съ одной стороны болѣе производительнаго использованія ими состоящей въ ихъ владѣніи земли, а съ другой, — въ увеличеніи количества труда, прилагаемаго въ странѣ вообще къ обработкѣ земли, иначе говоря въ переходѣ къ болѣе интенсивнымъ системамъ полеводства, въ превращеніи земледѣлія въ сельскую промышленность.

Не сомнѣваюсь что предложенныя мною мѣры встрѣтятъ множество возраженій и притомъ со стороны лицъ весьма различныхъ политическихъ убѣжденій. Величающіе себя громкимъ именемъ поборниковъ интересовъ массы населенія обвинятъ меня въ покровительствѣ капиталистическому строю, въ стремленіи обезпечить выгоды не преобладающей части населенія, а лишь его среднихъ и высшихъ слоевъ. Съ другой стороны, нѣкоторая часть нашихъ правыхъ партій увидитъ во мнѣ соціалиста и чуть ли не революціонера. Установленіе прогрессивнаго налога на землю, всемѣрное стремленіе упразднить общину, да развѣ это не революція. Въ свое оправданіе могу сказать лишь одно. При разсмотрѣніи аграрнаго вопроса я имѣлъ въ виду не интересы отдѣльныхъ слоевъ населенія и тѣмъ болѣе не интересы отдѣльныхъ личностей, а интересы всей страны, взятой въ совокупности, такъ какъ глубоко убѣжденъ, что то, что выгодно всей странѣ, въ конечномъ результатѣ выгодно и массѣ ея обитателей. Рѣшительность же предложенныхъ мною мѣръ, ихъ радикальность, которую я отнюдь не отрицаю, обусловлена исключительными обстоятельствами переживаемаго нами времени. Для охраненія существующаго строя необходимо немедленно, не упуская ни одного дня, создать экономическій мостъ между малоимущею невѣжественною массою населенія и его верхнимъ зажиточнымъ, но тонкимъ слоемъ. Безъ наличности этихъ связующихъ крайніе слои населенія посредствующихъ звеньевъ, мы не будемъ въ состояніи охранить нашъ государственный строй, охранить права, дарованныя манифестомъ 17 октября. Права эти или упразднятся, или превратятся въ самоволіе и разнузданность. Либо мы вновь подпадемъ подъ полицейско бюрократическій режимъ, либо будемъ присутствовать при полномъ крушеніи всего нашего

соціальнаго строя и при послѣдующемъ созданіи на обломкахъ Россіи международнаго торжища, словомъ при порабощеніи Россіи тѣми многочисленными инородческими элементами, которые нынѣ стоятъ во главѣ революціоннаго движенія.

Цѣна 30 копѣекъ.

